

Виктор Левашов

**Придумки, или Урок
драматического
искусства (сборник)**

«Accent Graphics communications»

2011

Левашов В.

Придурки, или Урок драматического искусства (сборник) /
В. Левашов — «Accent Graphics communications», 2011

Пьесы Виктора Левашова ставились в Московском Новом театре, в Норильском драматическом театре им. Маяковского, в Новгородской драме, некоторые в десятках театров страны. В сборник «Придурки, или Урок драматического искусства» включены его лучшие драмы и комедии.

Содержание

Придурки, или Урок драматического искусства	5
Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина первая	6
Картина вторая	14
Действие второе	24
Картина третья	24
Картина четвертая	37
Экспертиза	42
Действующие лица	42
От автора:	43
Действие первое	44
I	44
II	46
III	50
IV	55
V	58
Действие второе	64
VI	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Виктор Левашов

Придурки, или Урок

драматического искусства (сборник)

Придурки, или Урок драматического искусства

Постановка комедии А.Н.Островского

«Без вины виноватые» во 2-м отделении

«Норильлага» в апреле 1945 года

в 2-х действиях

«КЛУБНАЯ ЖИЗНЬ. В клубе 3-го лаготделения была поставлена комедия А.Н.Островского «Без вины виноватые» в исполнении драмколлектива 2-го лаготделения. Несмотря на ряд недостатков, спектакль прошел хорошо».

«МЕТАЛЛ – ФРОНТУ», бюллетень культурно-воспитательного отдела «Норильлага», 7 апреля 1945 года.

Действующие лица

СПИВАК Ефим Григорьевич – руководитель лагерного драмколлектива, за 50 лет

ШКОЛЬНИКОВ Петр Федорович – старший лейтенант НКВД, оперчекист

Участники спектакля:

ФРОЛОВА Лариса Юрьевна

ЗЮКИНА Серафима Андреевна

БОНДАРЬ Иван Тихонович

ЖУК Николай Евдокимович

КОНВОЙНЫЙ – молодой парень с Тамбовщины

Действие первое

Картина первая Нашествие

Загудел рельс на вахте – пробили «съём».

Закулисье лагерного клуба. Что-то вроде общей гримуборной – с узкими тусклыми зеркалами, табуретками и дощатым столом. Печка-буржуйка в углу. Очень много афиш: «Наталка-полтавка», «Сильва», «Весна в Москве», «Поединок», «Инженер Сергеев», «Пошився у дурня», «Звезда первой величины». Афиши разномастные, от руки, на кусках картона, на оберточной бумаге, редко на ватмане.

Рядом с гримуборной, отделенная брезентовым полотнищем-кулис: черная, страшная, промерзшая пустая сцена. На ней смутно угадываются очертания стола под кумачом, транспарант над сценой – следы недавнего то ли торжественного заседания, то ли другого какого-то мероприятия.

В гримуборной появляется ЖУК. Ему лет 35–40. В обычной одежде лагерника. На груди, на левом колене и на спине – белые нашивки с номером. В руках у него ведро с углем и жестяной совок. Подсыпает угля в топку, ставит на печку большой алюминиевый чайник, пристраивается у огня.

Входит СПИВАК. Он в овчинном колушке-безрукавке, на шею артистично намотан вигониевый шарф.

СПИВАК. Никого еще нет?

ЖУК. Та ни, наши уси. Опера тильки немае.

СПИВАК. Уси. Немае.

ЖУК. Все. Нету.

СПИВАК. А не наши – никого не было?

ЖУК. Не наши?

СПИВАК. Да! Да! Не наши! Никого не приводили?

ЖУК. А кого треба?

СПИВАК. Николай Евдокимович, я всего лишь спросил, не приводили ли кого-нибудь.

И это все, что я спросил!

ЖУК. Никого.

СПИВАК. Что ж, никого – значит, никого. Извините.

ЖУК. На вахте сказали – костюмы сейчас привезут.

СПИВАК. Костюмы – это хорошо. Несите сюда. А я взгляну, что у нас с декорациями.

Жук и Спивак уходят.

Появляется ЗЮКИНА. Ей около 25 лет. Как и все лагерники, она в ватнике и в ватных штанах с номерами. Но одежда чистая, ушитая по фигуре, на ногах – новые валенки, поверх ушанки – теплый платок. Быстро, цепко осматривается. Не обнаружив ничего угрожающего, нашаривает у печки папиросный окурочок, пытается закурить. Но охнарик выкурен до бумаги. С досадой выбросив его, снимает платок и шапку, подкрашивает у зеркала губы.

В глубине темной сцены появляется КОНВОЙНЫЙ, молодой парень в белом овчинном тулупе, с винтовкой на плече. Впереди себя он подталкивает ФРОЛОВУ.

КОНВОЙНЫЙ (почти умоляюще). Ну, двигай же, мать твою! Двигайся, сука старая! Пришли уже!

ФРОЛОВА. Это же клуб.

КОНВОЙНЫЙ. В клубе тоже разные постановки бывают. Да шевелись же ты, падла!

От сильного толчка Фролова делает несколько шагов и опускается на скамейку.

КОНВОЙНЫЙ. Гля, куда села, а? Как знала! Самое твое место! Тут как раз давеча такие же сидели, навроде тебя. Толковая была постановка!.. Подымайся. Подымайся, блядина! Я кому говорю!

ЗЮКИНА (выглядывает на сцену). Эй, вы там! Это же сцена! Храм! Тут даже шапку надо снимать! Базар устроили!

КОНВОЙНЫЙ. Сам черт в вашем храме ногу сломит!.. Двигай, падаль!.. (Вталкивает Фролову в гримуборную.)

ФРОЛОВА опускается на пол и придвигается к печке.

ЗЮКИНА. Фу, вони-то! Из какой помойки ты ее выволол?

КОНВОЙНЫЙ. Упарился. Валится, падла, и все. Пройдет десять шагов и валится!.. (Достает портсигар.)

ЗЮКИНА. Нелегкая у тебя служба, землячок. Но почетная, верно? Давай покурим.

КОНВОЙНЫЙ. Кто покурит... (Выбрав папиросу, защелкивает портсигар и прячет в карман.) А кто и посмотрит. Вот так, землячка! (Довольный, гогочет.)

ЗЮКИНА. Ах ты, валенок тамбовский! А ну брось папиросу! Здесь курить могут только режиссер и артисты!

КОНВОЙНЫЙ. А не шибко ль ты, шалава, остра? А ну как я тебе пасть заткну, а?

ЗЮКИНА. Ты, вертухай говенный, гляди, как бы самому не заткнули! Война-то не кончилась, как бы тебе не пришлось с немцами повоевать, а не с бабами на зоне! Вот пожалуюсь, что ты с актрисой грубо разговариваешь...

КОНВОЙНЫЙ (ухмыляясь). И меня за то с брони снимут?

ЗЮКИНА. Тебя, лапоть, не за то с брони снимут. А за то, что спирт блатарям продаешь!

КОНВОЙНЫЙ. Ты чего несешь, ты чего несешь, сука? Ты видела, да? Видела?

ЗЮКИНА. А нет? Таких, как ты, любого копни. Брось, кому сказано, папиросу!

Пораженный ее наглостью, Конвойный колеблется.

Входит ШКОЛЬНИКОВ. Он в черном офицерском полушубке с погонами. Конвойный бросает папиросу и вытягивается. Зюкина хочет незаметно поднять папиросу, но в это мгновение Фролова с неожиданным для ее изможденного вида проворством хватает папиросу и прячет в рукав.

КОНВОЙНЫЙ. Товарищ старший лейтенант, по вашему приказанию зэка доставлена!

ФРОЛОВА (с усилием вставая). Зэка Фролова, ЧСИР, двадцать четвертая строительная бригада. Срок пять лет, окончание – июль сорок пятого.

ЗЮКИНА. Ух ты! Считай, вольняшка!

ШКОЛЬНИКОВ. Серафима Андреевна.

ЗЮКИНА. Виновата, гражданин начальник. Молчу.

ШКОЛЬНИКОВ. Серафима Андреевна.

ЗЮКИНА. Извините, Петр Федорович. У вас в форме такой вид... язык не поворачивается по имени-отчеству.

ШКОЛЬНИКОВ. На совещании задержали, не успел переодеться. (Конвойному.) Ждите в караулке.

КОНВОЙНЫЙ. А долго, товарищ старший лейтенант?

ШКОЛЬНИКОВ. Кру-гом! (Конвойный выходит. Фроловой.) Ждите и вы.

Фролова опускается на прежнее место у печки.

ЗЮКИНА. Какие новости на воле, Петр Федорович?

ШКОЛЬНИКОВ (выкладывая из кармана на стол цыбик чая и кулек с колотым рафинадом). Особых новостей нет. Будапешт взяли, это знаете. Контрнаступление немцев на Балатоне захлебнулось. Чайник поставили? Очень хорошо. Судя по всему, на очереди Берлин. (Из дру-

гого кармана извлекает кулек побольше, с сушками. Бумага разворачивается, сушки рассыпаются по столу.)

ЗЮКИНА. Балуете вы нас.

ШКОЛЬНИКОВ. Я и сам поужинать не успел.

ЗЮКИНА. А правда, Петр Федорович, что после победы будет амнистия?

ШКОЛЬНИКОВ. Ну зачем вам, Серафима Андреевна, амнистия? Здесь вы первая актриса, окружены любовью. А выйдете – снова воровать?

ЗЮКИНА. Обижаете, Петр Федорович!

ШКОЛЬНИКОВ. Ну, грабить.

ЗЮКИНА. Совсем же другое дело! Нет, с этим все. А выйду, я знаю, куда пойду. Я к вам в домработницы попрошусь. Готовить вам буду, пуговицы пришивать, постель... стелить. Возьмете, Петр Федорович?

ШКОЛЬНИКОВ. До победы еще нужно дожить.

Входит СПИВАК.

ШКОЛЬНИКОВ. Здравия желаю, Ефим Григорьевич.

СПИВАК. Добрый вечер, голубчик.

Воспользовавшись моментом, Фролова хватает со стола несколько сушек и кусков рафинада и рассовывает по карманам. Это происходит на глазах у Зюкиной, но Фролова не обращает на нее внимания.

СПИВАК. Там привезли костюмы из городского театра, из подбора, требуют принять под расписку.

ШКОЛЬНИКОВ. Сейчас приму.

СПИВАК (Зюкиной). Я вас попрошу: позовите Бондаря из столярки, нам пора начинать работу.

ЗЮКИНА. Удаляюсь, удаляюсь, удаляюсь! (Выходит.)

ШКОЛЬНИКОВ (негромко, кивнув в сторону Фроловой). Я выполнил вашу просьбу.

СПИВАК. Вижу. Спасибо.

ШКОЛЬНИКОВ. Это было очень непросто. У нее уже два отказа от выхода на работу.

СПИВАК. Два?!

ШКОЛЬНИКОВ. Да, два. Второй – вчера. Вы уверены, что ее участие в спектакле необходимо?

СПИВАК. Да.

ШКОЛЬНИКОВ. Я вам доверяю.

СПИВАК. Я это ценю.

Школьников уходит. Спивак подходит к Фроловой.

СПИВАК. Лариса... Лариса, Лариса!..

ФРОЛОВА. Страшна?.. Припухаю я, Ефим Григорьевич... совсем дохожу.

СПИВАК. Лариса!.. Лариса!..

ФРОЛОВА. Так это к вам меня дернули? А я думала – в БУР... Закурить бы.

СПИВАК. Я... не курю. Но я сейчас возьму у кого-нибудь.

ФРОЛОВА. Не надо. (Прикуривает от угля брошенную Конвойным папиросу.)

СПИВАК. Это я, я во всем виноват! Старый дурак! Еще полгода назад тебя нужно было забрать! Сразу, как только узнал, что ты здесь! Настоять, заставить! Как я мог с тобой согласиться?! Ну и что, что взяли Сундукова? Кому в голову пришло бы искать здесь его актрису! Тем более – какую-то Фролову! И работала бы себе тихо-мирно!

ФРОЛОВА. Не казните... не заставили бы. Я должна была... дожить. Отсидеться.

СПИВАК. На общих! Отсиделась! Ты посмотри на себя!

ФРОЛОВА. И смотреть не хочу... зачем?.. Как вы узнали, что я здесь?

СПИВАК. Случайно... тебя узнали.

ФРОЛОВА. Неужели меня еще можно узнать?

СПИВАК. Полгода назад было можно... Я тебе больше скажу: Федотова тоже взяли. После Сундукова он был главным режиссером.

ФРОЛОВА. Откуда вы знаете?

СПИВАК. Откуда мы здесь все знаем? Оттуда и знаю.

ФРОЛОВА. За что?

СПИВАК. А самого Сундукова за что? А Курбаса? А Мейерхольда? Меня, наконец?

ФРОЛОВА. Вот видите.

СПИВАК. Сейчас это уже не имеет значения. Два отказа! Сумасшествие! Это не БУРом пахнет. Контрреволюционный саботаж! Или ты думаешь, что раз ты женщина... Слышала, что здесь было вчера? Тут, на этой вот сцене! Читай! (Протягивает местную многотиражку «Металл – фронту!») Вот эту заметку. Вслух!

ФРОЛОВА. «Приговор за контрреволюционный саботаж... Выездная сессия Окружного суда приговорила за злостный отказ от работы Давыдова, Шилягина и Белову к высшей мере социальной защиты... Приговор приведен в исполнение...»

СПИВАК. Белову. Понятно?

ФРОЛОВА. Кто она?

СПИВАК. Женщина... Я тяну уже восьмой год. И только сейчас в придурках. Я четыре раза доходил на общих. Но одно знал: доползти до карьера. Хоть на карачках. Там – лежи. Но доползи!

ФРОЛОВА. Уже не было сил... никаких.

СПИВАК. Силы у человека всегда есть. Если он хочет выжить.

ФРОЛОВА. Мне уже – все равно.

СПИВАК. А вот это – грех! Грех! У тебя есть сын. Ты обязана выжить! Чтобы у него осталась хотя бы мать! Чтобы рассказать ему правду! Тебе осталось-то всего ничего!

ФРОЛОВА. Многих вы видели на воле, у кого по пятьдесят восьмой вышел срок? Пере-сидчики. Отложить освобождение до победы.

СПИВАК. Но ведь когда-нибудь она кончится, эта проклятая война!.. Не хочу больше ничего слушать. С этого дня ты работаешь здесь. Помрежем, ассистентом, все равно. И ничего не бойся, никто тебя не узнает и не найдет.

ФРОЛОВА. Господи, как я хочу вам верить!

СПИВАК. И верь, верь! Все будет хорошо. Подкормишься, отойдешь. Это быстрее, чем кажется... Сейчас я налью тебе чаю. Бери сахар. Бери – сколько хочешь...

Пока Спивак наливает чай в жестяную кружку, Фролова выхватывает из кулька куски рафинада и рассовывает по карманам, за пазуху. Она и рада бы сдержаться, но не может. Вернувшись к столу, Спивак обнаруживает в кульке лишь два небольших куска. Бросает их в чай, ставит кружку перед Фроловой.

СПИВАК. Все в порядке. Не думай ни о чем. Пей. Потом я тебе сгущенки дам. Только сразу всю не ешь – пронесет...

Входят с охапками одежды ЖУК, БОНДАРЬ и ЗЮКИНА, раскладывают костюмы по табуреткам.

ЖУК. Кому что, Ефим Григорьевич?

СПИВАК. Сейчас разберемся... Сюртук – это вам. Ну-ка прикиньте.

ЖУК (примеряя). «Муров, Григорий Львович! Честь имею представиться. Я учёра два раза заезжал к вам у гостиницу...»

СПИВАК. «Учёра»!

ЖУК. Извиняюсь. Вчера.

БОНДАРЬ. А мне что?

СПИВАК. Примерьте-ка вот этот пиджак.

БОНДАРЬ. Велик.

СПИВАК. И прекрасно. Шмага. Нищий актер. Все с чужого плеча: велико, мало.

БОНДАРЬ. «Мы – артисты, наше место в буфете!»

СПИВАК. Очень хорошо. Так, этот фрачок – для Незнамова... А вот это нечто бархатное – это мне. (Накинув балахон.) «Обыватели у нас большей частью люди солидные, тяжело-весные, богатые... Но относительно нравов и умственного развития находятся еще в первоначальном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные...»

ЗЮКИНА (перебирая платья из театрального подбора). А я-то кто, Ефим Григорьевич? Коринкина или Кручинина?

СПИВАК. Не понимаю, драгоценнейшая, чем вам не нравится Коринкина? Ну, репетируйте пока Кручинину, потом уточним. Распределение ролей – тут не дай Бог ошибиться!.. Так, это мы для Миловзорова отложим... незадача у нас с Миловзоровым, даже не знаю, как быть...

ФРОЛОВА (вдруг). Кручинина. Миловзоров. Что мы ставим?

СПИВАК. Друзья мои, разрешите представить вам нового члена нашего коллектива: Лариса Юрьевна Фролова. Профессиональная актриса, закончила ГИТИС, работала в московском театре.

ЗЮКИНА. В каком?

СПИВАК. В хорошем. В очень хорошем.

ЗЮКИНА. В Большом?

СПИВАК. Нет, не в Большом. Но и не в Малом.

ФРОЛОВА (резко). Что мы ставим?

СПИВАК. Вы очень хорошо знаете эту пьесу. Хотите, чтобы я назвал? Пожалуйста: «Без вины виноватые».

Пауза.

СПИВАК. Мы ставим комедию великого русского драматурга Островского «Без вины виноватые».

Входит ШКОЛЬНИКОВ. Он в ловко подогнанной гимнастерке, в щегольских сапогах.

ФРОЛОВА. Гражданин начальник, вызывайте конвой.

ШКОЛЬНИКОВ. В чем дело?

ФРОЛОВА. На зону меня отправляйте.

ШКОЛЬНИКОВ (Спиваку). В чем дело?

СПИВАК. У меня такое ощущение, что Лариса Юрьевна считает выбор пьесы для нашего нового спектакля несколько... сомнительным.

ФРОЛОВА. Несколько сомнительным? Да вас же всех пересажают! Верней, чем любого отказчика!

ЖУК. А мы и так сидим.

ЗЮКИНА. «Уси».

ЖУК. Все.

ФРОЛОВА. И еще по десятке сунут! «Без вины виноватые». Я уже и забыла, когда последний раз смеялась.

ШКОЛЬНИКОВ. Не понимаю.

СПИВАК. Возможно, Лариса Юрьевна усматривает в названии некий... вызов.

ШКОЛЬНИКОВ. Вызов? Какой? Кому? Кто-то считает себя без вины виноватым? Неправильно осужденным? (Оглядывает присутствующих.)

Под его взглядом каждый поднимается и четко докладывает, как того требует лагерный устав.

ЖУК. Статья пятьдесят восьмая, пункт пятый, контрреволюционная пропаганда против колхозов, двенадцать лет.

СПИВАК. Пятьдесят восьмая, АСА – антисоветская агитация, десять лет.

БОНДАРЬ. Пятьдесят восьмая, сдача в плен, шпионаж в пользу японской разведки, двадцать пять лет.

ЗЮКИНА. Шестьдесят вторая, организация преступной группы, бандитизм, шесть лет.

ШКОЛЬНИКОВ. Все признали свою вину, получили возможность искупить ее честным трудом. (Фроловой.) Может, вы считаете себя без вины виноватой?

ФРОЛОВА. Я – ЧСИР. Если это вина...

ШКОЛЬНИКОВ. Член семьи и родственник врага народа!.. Садитесь. Если кто и страдает тут без вины, так это я. Вместо того, чтобы с оружием в руках добывать фашистского зверя... Ладно, приказы не обсуждают. Внесу полную ясность. Командование одобрило выбор пьесы. Обращение к русской классике, к комедии Островского «Без вины виноватые», признано правильным. Спектакль послужит повышению культурного уровня контингента. Опыт показывает: если ограничить жизнь заключенного работой и зоной, поселяются апатия, равнодушие. Недаром бригады, лишённые права смотреть спектакли, сами подтягиваются и подтягивают самых злостных филонов. Скажу еще: сегодня на совещании принято решение приравнивать работу драмколлективов всех отделений к ударному труду на производстве. И наиболее активные участники будут поощряться сокращением сроков и даже досрочным освобождением.

Зюкина громко аплодирует.

ШКОЛЬНИКОВ. А теперь, если вопросов больше нет, давайте попьём чаю и приступим. Выпустить хороший спектакль к открытию третьей городской олимпиады искусств – в этом все мы должны быть заинтересованы.

ЗЮКИНА. Петр Федорович, а вы что с этого будете иметь?

ШКОЛЬНИКОВ. Я? Да ничего. Для меня это – отдых. После службы у нас кто в карты, кто (щелкает по горлу), а я вот с вами... (Разливает чай в кружки.)

Тотчас же, по неистребимой лагерной привычке, перед ним выстраивается очередь.

ЗЮКИНА. Ну разве так это делается? Зона! А на раздаче опер! К столу, коллеги, прошу к столу! (Рассаживает всех за столом, берет у Школьниковых кружки, ставит перед участниками спектакля. Школьникову.) Вот как нужно в хорошем доме! А на мне будет крахмальный фартучек и кокошничек. Угощайтесь, гости дорогие: вот сахар... (С удивлением смотрит на пустой кулек.)

ШКОЛЬНИКОВ. Я же вроде брал... полкило.

СПИВАК. Это я, простите великодушно. Понервничал. А когда я нервничаю... Дурная привычка, незаметно и сгрыз.

ЗЮКИНА. Полкило.

ШКОЛЬНИКОВ. Ничего, попьём с сушками...

Участники спектакля берут сушки, стараясь сохранять деликатность.

СПИВАК. Мне хотелось бы кое-что прояснить до конца. Мы берем «Без вины виноватые». Почему? Как, по-вашему, Николай Евдокимович?

ЖУК. А больше нечего. Усе усё поставили. Все всё. В каждом лаготделении театр, да городской для вольняшек. По пятьдесят премьер в год. За что ни хватись, ан уже поставили. (Показывает на афиши.)

СПИВАК. Да, когда-нибудь искусствоведы назовут наше время расцветом театрального искусства. А вы что скажете, Иван Тихонович, про пьесу?

БОНДАРЬ. Хорошо разойдется. То, что нам надо.

СПИВАК. Профессиональный подход. Петр Федорович?

ШКОЛЬНИКОВ. Я же сам предложил эту пьесу. В Москве перед войной шел спектакль. Я ходил на него восемь раз. Забысь на галерку и плачу, честное слово, платок мокрый. Кру-

чинину там играла поразительная актриса, в Москве ее до этого почти никто и не знал. Лариса Юрьевна...

ЗЮКИНА. Тоже Лариса Юрьевна?

ШКОЛЬНИКОВ. Тоже? (Мельком взглянул на Фролову.) А, да. Лариса Юрьевна Рейн. Ей не было и тридцати, но Кручинина у нее была... вот уж веришь, что купец Мухобоев мог запить от восторга с первого акта!.. Ее мало где видели. После спектакля ее ждал черный «зис», она садилась и уезжала. У моего отчима был такой же «зис»...

ЗЮКИНА. У отчима?

ШКОЛЬНИКОВ. Да, мать развелась с отцом очень давно. Вот тогда, после одного из спектаклей, я и понял, что стану актером.

ЗЮКИНА. Почему же не стали?

ШКОЛЬНИКОВ. Так вышло.

СПИВАК. Спасибо за откровенность, но ответа я не получил. Попробую объяснить, почему мы берем Островского. Как это понимаю я. Роли у всех есть? Читаем. По очереди. С любого места, неважно – начало, конец. Не играем, просто читаем. Задание понятно? (Фроловой.) Вы пока отдыхайте. Начали. Серафима Андреевна.

ЗЮКИНА. «Ну, уж и бесподобное!.. Нет, вот я вчера к портнихе за выкройкой для воротничка ходила, так видела платье... вот то, так уж действительно бесподобное. Таисе Ильиничне подвенечное шьют...»

СПИВАК. Николай Евдокимович.

ЖУК. «Что ж делать... Виновато во всем мое воспитание; я человек забитый, загнанный. Извини меня, – ну, я просто боялся...»

СПИВАК (читает многотиражку). «В трудовом соревновании в честь 27-й годовщины Красной Армии значительных успехов добился котлопункт 10-го лаготделения...» Шмага.

БОНДАРЬ. «Я подозреваю, что у вас есть намерение угостить нас, первых сюжетов, завтраком; по этому случаю вы дадите денег; а я уж, так и быть, услугу вам: схожу, куплю пирогов, колбаски, икорки и прочего...»

СПИВАК (читает). «Сурово наказывать промотчиков вещдовольствия». Незнамов.

ШКОЛЬНИКОВ. «Актриса! актриса! Так и играй на сцене. Там за хорошее притворство деньги платят. А играть в жизни над простыми, доверчивыми сердцами, которым игра не нужна, которые правды просят... за это казнить надо... нам обмана не нужно, нам подавай правду, чистую правду!..»

СПИВАК. Дудукин.

ЖУК. «Да ведь надо же вам чем-нибудь питаться; гостиницы у нас в плохом состоянии. А что такое эти безделки: чай, да икра, да и все наши букеты и лавры. Об них и говорить-то не стоит...»

БОНДАРЬ. Как говорят! Господи, как они говорят!

Пауза.

СПИВАК. Остались вопросы?

ШКОЛЬНИКОВ. Я знаю вас второй год, а все не привыкну. Почему бы вам просто не сказать то, что вы сказали всем этим?

СПИВАК. А что я сказал – всем этим?

ШКОЛЬНИКОВ. Что мы берем пьесу, потому что она написана хорошим русским языком.

СПИВАК. Эти заметки тоже написаны не по-немецки. Вещдовольствие, промотчик, разблюдовка, литраж.

ЗЮКИНА. Пайка, зона, параша, кум.

СПИВАК. Вражеское нашествие всегда приносит в язык народа новые слова. Соцсоревнование, доходяга, фитиль, придурок.

БОНДАРЬ. Млеко-яйко, ахтунг, аусвайс, хенде хох.

СПИВАК. Ликбез, продразверстка, лишенец, нэп.

ЖУК (поспешно). Ксива, сявка, филон, баланда, клифт.

СПИВАК. Социально близкий, социально чуждый, враг народа, колхоз.

ФРОЛОВА. Хватит!

СПИВАК. И у нас есть только один союзник в борьбе против этого нашествия. Только один. «А коли спрашивать станут, скажи: здесь, мол, где-то!..» Если вопросов больше нет, пойдёмте на сцену.

ЗЮКИНА. Переодеваться не будем?

СПИВАК. Завтра. Костюмы нужно еще подогнуть.

ЖУК. Тогда под замок надо усё. Стырят. И на портянки пустят, тут же бархат!

БОНДАРЬ. Точно – сопрут. (Школьникову.) В столярке чуланчик есть. С замком. Если бы ключ...

ШКОЛЬНИКОВ. Так и сделаем. Берите костюмы.

Жук, Бондарь и Спивак уносят одежду. Школьников выходит вслед за ними. В гримборной остаются Зюкина и Фролова.

ЗЮКИНА. Ты что ж нас, падла, позоришь? А ну выкладывай сахар! Я кому, тварь, сказала!

Приподнявшись, Фролова хватается за волосы, резко пригибает, почти бьет лицом о свои колени.

ФРОЛОВА (вполголоса). Вякнешь еще – задавлю. На тебя у меня сил хватит. (Заметила, что в гримерку заглянул ШКОЛЬНИКОВ. Без перехода.) «Помешаешь ей! Да кто ж на ее капитал не польститися, какая бы она ни была. Нет, таким-то всегда счастье; а хорошие барышни жди да пожди. (Гладит Зюкину, поправляет ей волосы.) Вот вы, скоро ль дождетесь хорошего жениха! Другой бы, может, и взял... да приданого нету...»

Школьников с интересом наблюдает за происходящим. Зюкина тоже замечает его.

ЗЮКИНА. «Так ты думаешь, что только за тем и дело стало?»

ФРОЛОВА. «А то за чем же? Нынче народ-то какой? Только денег и ищут; а не хотят того понимать, что коли у вас приданого нету, вы зато из хорошего роду, образование имеете, всякое дело знаете. А что ваши родители померли да вам ничего не оставили, так кто ж этому виноват!»

ЗЮКИНА (поднимаясь с колен и отходя в сторону). «Так, так, отлично ты рассуждаешь. А вот погоди, и я разбогатею, так замуж выйду...» (Фролова молчит.) Ну? (Подсказывает реплику.) «А что ж мудреного вам разбогатеть!..»

ФРОЛОВА. Нет... Дальше не помню.

ШКОЛЬНИКОВ. Очень интересно. (Фроловой.) Вы – Аннушка? Но она же молодая.

ФРОЛОВА. В лицах сказано: горничная Отрадиной. Может быть и старая дева.

ШКОЛЬНИКОВ. Но Отрадина говорит... как там?

ЗЮКИНА. «А ты девушка молоденькая ты не все говори, что слышишь».

ФРОЛОВА. Шутит.

ШКОЛЬНИКОВ. А почему такая мизансцена? Отрадина на коленях – перед горничной!

ФРОЛОВА. Она же утешения ищет. Предчувствует беду. И плакать может...

Возвращаются СПИВАК, ЖУК и БОНДАРЬ. Спивак отдает Школьникову ключ от чулана.

ШКОЛЬНИКОВ. Удивительно. Лариса Юрьевна умеет объяснять необъяснимое точно так же, как вы.

СПИВАК. В театре все можно объяснить. В отличие от жизни.

ШКОЛЬНИКОВ. А в жизни – не все?

СПИВАК. А по-вашему – все?

ЖУК. Ефим Григорьевич, вы сказали – на сцену.

СПИВАК. Да-да, давайте походим, начнем осваивать площадку.

Спивак, Школьников, Жук и Бондарь проходят на сцену.

ЗЮКИНА (Фроловой). Как ты это сделала? Как ты это сделала? Ты – жалела меня! Как сестра! Ты – ты заставила меня плакать! Как ты это сделала?!

ФРОЛОВА. Уймись.

ЗЮКИНА. Научи! Как это делается? Мне нужно, я должна научиться!

ФРОЛОВА. В домработницы опер тебя и так возьмет.

ЗЮКИНА. Нужен он мне! Фраер! Сушки таскает. Лучше бы табаку притащил, пайку опять урезали. Выйду – в театр пойду. В вольный. Возьмут. Тут была одна, до тебя. Приняли. По бытовой шла, мужа убила. Она Кручинину должна была играть. Ни кожи, ни рожи. Взяли. И меня возьмут.

ФРОЛОВА. А второй – Миловзоров?

ЗЮКИНА. С резьбы сорвался.

ФРОЛОВА. Сбежал?!

ЗЮКИНА. Сбежал! Тут сбежишь! Вошел в запретку.

ФРОЛОВА. И... что?

ЗЮКИНА. Первый раз замужем? Что! Два выстрела. Один в него, второй в воздух. Будто предупредительный. Вертухаю отпуск. Научишь? Я заплачу. У меня две банки свиной тушенки заныкано. Даже три.

ФРОЛОВА. Три! А сама охнари сшибаешь.

ЗЮКИНА. Я же говорю: заначка. Мало ли. И еще достану.

ФРОЛОВА. Как?

ЗЮКИНА. Этот способ – он уже не для тебя. Договорились?

ФРОЛОВА. Тушенку вперед.

ЗЮКИНА. Завтра же притараню. Только не наваливайся – пронесет.

СПИВАК. Дамы, ждем вас.

Все выходят на темную сцену.

СПИВАК. Электрик на месте? Первый софит, пожалуйста!

Высвечивается стол под красным кумачом и три стула – для судей.

СПИВАК. Второй софит!

Освещается длинная деревянная лавка – скамья подсудимых.

СПИВАК. Третий софит!

Прожектор вырывает из темноты большой транспарант над сценой:

«СУРОВЫЙ ПРИГОВОР САБОТАЖНИКАМ ОДОБРЯЕМ!»

СПИВАК. Давайте работать.

Под руководством Жука рабочие сцены опускают и уносят транспарант, устанавливают выгородку, изображающую номер в провинциальной гостинице конца прошлого века.

Картина вторая

Лица и исполнители

За сдвинутым к краю сцены столом, превращенным в режиссерский пульт, – СПИВАК. Он в бархатном балахоне Дудукина. Рядом с ним, с блокнотом и текстом пьесы, – ФРОЛОВА. Она в новом ватнике и в новых ватных штанах. Все остальные участники спектакля в сценических костюмах, а их ватники висят в гримуборной рядом с полушубком и гимнастеркой Школьниковова. И кажется, что и лагерные взаимоотношения остались здесь же, за границей сцены.

СПИВАК. Продолжаем. Акт второй, явление четвертое. Кручинина одна.

ЗЮКИНА входит в выгородку.

ФРОЛОВА (по тексту пьесы). «Входят Незнамов и Шмага, дожевывая кусок бутерброда».

СПИВАК. Начали.

Школьников и Бондарь входят в выгородку.

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. «Ах! (С испугом отступает.)»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Ничего, чего вы боитесь?»

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. «Извините».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, ремеслу. Как вы думаете: по искусству или по ремеслу?»

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. «Как вам угодно. Это зависит от взгляда».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Вам, может быть, угодно считать свою игру искусством, мы вам того запретить не можем. Я откровеннее, я считаю свою профессию ремеслом и ремеслом довольно низкого сорта».

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. «Вы вошли так неожиданно...»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Да мы уж в другой раз сегодня».

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. «Ах, да, мне сказывали».

СПИВАК. Стоп. (Зюкиной.) А в самом деле, чего вы испугались? Откуда это «ах»?

ЗЮКИНА. Ну, от неожиданности. Я стояла, одна, а тут вошли какие-то...

СПИВАК. А если бы вошел кто-то другой? Дудукин, например? Вот я вхожу... (Входит в выгородку.)

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. Вы вернулись, Нил Стратоныч?

СПИВАК. Хорошо. А если входит один Шмага? «Дожевывая кусок бутерброда». Иван Тихонович.

БОНДАРЬ. А с чем бутерброд?

СПИВАК. С чем бы вы хотели?

Бондарь глубоко задумывается.

ЖУК (подсказывает). С салом.

БОНДАРЬ. С салом.

СПИВАК. А с семгой? С икрой?

БОНДАРЬ. Нет. С салом.

СПИВАК. С осетриной? Со страстбургским паштетом? С ростбифом? С копченой грудинкой? С бужениной? С котлеткой де-воляй?

БОНДАРЬ. С салом! В два пальца. В три!

СПИВАК. Пусть с салом. Входите.

Бондарь-Шмага входит в выгородку, дожевывая воображаемый бутерброд.

ЗЮКИНА-КРУЧИНИНА. О Господи! Что вам угодно?

СПИВАК. Значит, дело все-таки в том, что входит именно Незнамов? То есть, ваш сын. Что-то дрогнуло в вашей душе?

ЗЮКИНА. Но... Я не видела его семнадцать лет. И вообще – он же умер.

СПИВАК. Отчего же это «ах»?

ЗЮКИНА. А если... Допустим, я поправляю подвязку. (Показывает.) А тут входят двое мужчин. «Ах!...»

СПИВАК. Это, конечно, очень оживит атмосферу в зрительном зале. У вас есть дети?

ЗЮКИНА. Нет.

ЗЮКИНА. А любимый человек? Неважно – муж, не муж?

ЗЮКИНА. Муж.

СПИВАК. Сидит?

ЗЮКИНА. Воюет. Танкист. При чем тут все это?

СПИВАК. Объяснения – потом. А пока представьте: кончилась война, объявили амнистию, вы вышли, вернулись в родной город. Поселились в гостинице...

ЗЮКИНА. Со справкой об освобождении? Кто меня пустит в гостиницу? У тетки.

СПИВАК. Пусть у тетки. Вы знаете, что ваш муж в городе, в любой момент может прийти. Но вы не знаете, что он... Допустим, он обгорел в танке. Стал неузнаваемым – внешне. Понимаете? Он – и не он. Попробуем. (Школьникову.) Войдете по моему знаку. (Зюкиной.) Начали.

Зюкина входит в выгородку. Постепенно движения ее обретают свободу, с лица исчезает привычная для всех лагерников настороженность и ожесточенность. Но если бы режиссер спросил ее «Что вы сейчас делаете?» – она не ответила бы: «Жду мужа». Нет, с ней происходит что-то совсем другое.

Спивак поднимает руку, готовясь подать знак Школьникову. Но прежде чем он успевает это сделать, за кулисами раздается грохот: в темноте зацепившись за что-то винтовкой, на сцену вваливается КОНВОЙНЫЙ.

С криком ужаса и отчаяния Зюкина отступает к стене.

КОНВОЙНЫЙ. Тю! Чего она?

ШКОЛЬНИКОВ (Зюкиной.) Что с вами?

СПИВАК. Текст!

ШКОЛЬНИКОВ. «Чего вы боитесь?»

ЗЮКИНА. Не могу больше... не могу! Да что же это за треклятая жизнь?! Кругом вертухай, лягавые! Даже в мыслях, в мечтах!.. Я больше не могу!..

СПИВАК. Текст!

ШКОЛЬНИКОВ. «Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, ремеслу...»

Пауза.

СПИВАК. Прервемся. Все верно, Серафима Андреевна. Не из нашей пьесы, но все верно. Все правильно. Все. Все.

Фролова наливает в кружку воды, дает Зюкиной. Зюкина пьет.

КОНВОЙНЫЙ. Товарищ старший лейтенант, разрешите, это... тут посидеть? А то третий день в караулке. Гогочут, ржут. Ну их. Как кони. Грубый народ. Я, это, тихо. А?

ШКОЛЬНИКОВ. Ефим Григорьевич?

СПИВАК. Пусть сидит.

Конвойный пристраивается в глубине сцены.

ШКОЛЬНИКОВ (Зюкиной). Лягавый – это вы про меня?

СПИВАК. Не отвлекаться! Продолжаем работать. Теперь я отвечу на вопрос Серафимы Андреевны. «При чем тут все это?» (Обращаясь, в основном, к Школьникову.) Принято думать, что в театре все ненастоящее. Величайшее заблуждение. Театр существует две тысячи лет и будет существовать, пока люди остаются людьми. Именно потому, что в театре все всегда настоящее. Ибо творится воображением артиста и зрителя. Вот – стул. (Опускается на него.)

«Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!..»

Стул? Трон! Реальность воображения. (Показывает на Бондаря.) Артист? Боевой офицер? Японский шпион! Реальность сознания. Жизнь может быть наполнена чудовищными нелепостями, человеческое сознание, этот жалкий раб обстоятельств, может мириться с ними. Воображение – никогда! Воображение всегда свободно! Но чтобы воображение артиста

вызвало в ответ воображение зрителя, оно должно питаться не химерами сознания, а плотью и кровью души. Вся наша боль, счастливейший и горчайший опыт жизни, благороднейшие порывы и самые стыдные и низменные бездны души – вот из чего мы творим сценическую реальность. И в пустейшей комедии. И в величайшей трагедии. Другого материала нет. (Зюкиной.) Поэтому я не извиняюсь, что невольно причинил вам душевную боль. Нет, не извиняюсь. Это – театр!.. (Школьникову.) И вы же понимаете, что все происходящее здесь нельзя принимать буквально. А тем более – обижаться на случайное слово.

ШКОЛЬНИКОВ. Я-то понимаю...

СПИВАК. Продолжим. С реплики: «Шмага кланяется».

ЗЮКИНА. «Что вам угодно, господа?..» Не могу... Извините... (Отходит в глубину сцены.)

Пауза.

КОНВОЙНЫЙ (придвинувшись к Зюкиной, раскрывает перед ней портсигар). На, закури... землячка. Надо же, нервенная какая. Как кобылка! (Негромко.) Слышь, кобылка. Тушенка есть. Американская. А?

ЗЮКИНА. Уйди... от греха... мерин!

БОНДАРЬ (почти по пьесе). О, меценат! Просвещенный покровитель искусств и всяких художеств! Ну-ка, меценат, изволь сигарочку. Из пьесы великого русского драматурга Островского ты знаешь, конечно, что я курю только один сорт?

КОНВОЙНЫЙ. Эта... какой сорт?

БОНДАРЬ. Чужие! (Выгребает из портсигара все папиросы и покровительственно похлопывает Конвойного по плечу.) «Норд». И как люди эту дрянь курят?

КОНВОЙНЫЙ. Ну, артисты! Вот это артисты! (Отсаживается в угол.)

ШКОЛЬНИКОВ. Ефим Григорьевич, пусть Лариса Юрьевна за Кручинину почитает. В качестве помрежа.

СПИВАК. Но... она не одета.

ШКОЛЬНИКОВ. Это не помешает. Лариса Юрьевна?

ФРОЛОВА. Я готова. С какого места?

ШКОЛЬНИКОВ. Под монолог Незнамова. «Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня».

ФРОЛОВА-КРУЧИННИНА. «Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня? Мне сказали, что господину Незнамову грозит большая неприятность...»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Ну, так что ж? Вам-то что за дело?»

ФРОЛОВА-КРУЧИННИНА. «Но если я имею возможность без особого труда избавить кого бы то ни было от неприятности, так я должна это сделать непременно. Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Счастливить людей, благодетельствовать?»

БОНДАРЬ-ШМАГА «(смеется). И притом, без большого труда. Нет, уж вы счастливьте кого угодно, только (грозя пальцем) не артистов. Артист – горд!»

ФРОЛОВА-КРУЧИННИНА. «Ну что ж делать. Извините! Я поступаю так, как велит мне моя совесть...»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Я вам предлагаю прогнать нас: это было бы для вас покойнее».

ФРОЛОВА-КРУЧИННИНА. «Нет, зачем же гнать! Я и теперь вас не прогоню. И обид, и оскорблений, и всякого горя я видела в жизни довольно; мне не привыкать стать. Мне теперь больно и в то же время интересно; я должна узнать нравы и образ мыслей людей, с которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Да-с, я говорить буду. Вот уж вы и жалуется, что вам больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для

разнообразия, и не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее, когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют. Это для меня нож вострый! Одного только я прошу у людей; чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!..»

Фролова молчит.

ЗЮКИНА (подсказывает). «Я не знала этого».

Фролова молчит.

ЗЮКИНА. «Я не знала этого!»

ФРОЛОВА. Нет, здесь что-то не так. (Спиваку.) Пока он нападает, провоцирует – все так. А как только начинает о себе... (Школьникову.) О чем это вы, гражданин начальник? Вы молоды, здоровы, сыты. У вас почетная служба, повышения быстрее, чем на фронте. Начальство к вам благоволит, самые красивые женщины мечтают попасть к вам в домработницы. А для души – театр. И не какая-нибудь самодеятельность – профессионалы. Чем же так наболела ваша душа?

СПИВАК. Лариса Юрьевна, здесь нет «гражданина начальника». Есть товарищи по искусству.

ШКОЛЬНИКОВ. Мне кажется, я не давал вам повода говорить обо мне... так.

ФРОЛОВА. Я и пытаюсь помочь товарищу по искусству. Профессионал еще может питаться чужим опытом. Любитель – никогда. (Школьникову.) Я только это имела в виду.

ШКОЛЬНИКОВ. Можно это сцену еще раз? С реплики Кручининой.

СПИВАК. Серафима Андреевна, вы можете работать?

ЗЮКИНА. Да, могу.

ШКОЛЬНИКОВ. Если можно – пусть Лариса Юрьевна.

СПИВАК. Что ж...

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Говорите, говорите все, что вы чувствуете».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ (с нарастающим озлоблением). «Да-с, я говорить буду. Вот вы и жалуетесь, уж вам и больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для разнообразия, и не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно... Одного только я прошу у людей; чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!»

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Я не знала этого».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Ну, так знайте и не расточайте своих благодеяний так щедро! Вы хотели избавить меня от путешествия по этапу? Для чего вам это? Вы думаете, что оказали мне услугу? Нисколько. Мне эта прогулка давно знакома; меня этим не удивишь! Я уж ходил по этапу чуть не ребенком и без всякой вины с моей стороны».

БОНДАРЬ-ШМАГА. «За безписьменность, ксивы не было».

СПИВАК. Виду! «Ксивы». Мы же только что об этом говорили!

БОНДАРЬ. Не поймут.

СПИВАК. Поймут. Человек человеческий язык всегда поймет. Впрочем, скотский, если постараться, тоже. Еще раз.

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Я уж ходил по этапу чуть не ребенком и без всякой вины с моей стороны».

БОНДАРЬ-ШМАГА. «За безписьменность, виду не было. Ярлычок-то забыл прихватить, как его по имени звать, по отчеству величать, как по чину место дать во пиру, во беседе».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины!..»

Пауза.

СПИВАК. По-моему, хорошо. Лариса Юрьевна?

ФРОЛОВА. Другое дело.

СПИВАК (Школьникову). Запомните это состояние.

БОНДАРЬ. Перекурить бы, Ефим Григорьевич.

СПИВАК. Перерыв. Всем можно переодеться. Захватите мой балахон. (Отдает балахон Жуку.)

Бондарь, Жук, Школьников и Зюкина проходят в гримуборную, берут свою одежду. Бондарь и Жук скрываются за кулисами.

ЗЮКИНА (Школьникову). А вы, оказывается, изменщик, Петр Федорович! Не захотели со мной играть? Вот уж верно Аннушка говорит: «Мужчины-то нынче сначала очень завлекательны, а потом часто бывают и очень обманчивы».

ШКОЛЬНИКОВ. Нам с вами, Серафима Андреевна, надо бы здесь уши прижать, и только сидеть тихонько и смотреть и слушать. И спасибо говорить, что не гонят.

ЗЮКИНА. А это еще почему?

ШКОЛЬНИКОВ. Не понимаете? Ну, поймете. (Вместе с Зюкиной уходит за кулисы.)

Дождавшись, когда гримерка опустеет, Фролова подходит к печке, извлекает из-под хлама начатую банку тушенки и начинает есть, тщательно выбирая пальцем и хлебом содержимое банки. Появляется СПИВАК. Фролова не замечает его. Спивак молча смотрит, как она ест, затем тихо уходит на сцену.

В гримуборную, переодевшись, возвращаются участники спектакля. Фролова быстро прячет банку. ШКОЛЬНИКОВ, не задерживаясь, проходит на сцену. ЖУК останавливает БОНДАРЯ.

ЖУК. Слышь, Иван Тихоныч, я усё понимаю. Одного не понимаю. Почему ты японский шпион? Ладно бы немецкий или румынский.

БОНДАРЬ. Да сначала так и хотели. А потом следователь прикинул: больно много получается у нас немецких шпионов. Органы, выходит, прошляпили? А на румынских еще моды не было. Так и решили: пусть буду японским, перед войной я как раз в театре во Владивостоке служил.

ЖУК. Вон оно что! Тогда понятно.

Бондарь одаряет всех папиросами. Конвойный с досадой вертит в руках пустой портсигар.

ЗЮКИНА (дает ему взятую у Бондаря папиросу). На, земляк, закури. И помни нашу доброту.

БОНДАРЬ. А в другой раз запасайся «Казбеком».

КОНВОЙНЫЙ (задохнувшись от возмущения). «Казбеком»?! А дерьма сушеного не жалаешь?

ЗЮКИНА. Будешь грубить, пойдешь курить на мороз.

КОНВОЙНЫЙ. Ну, артисты! Вот уж одно слово – артисты!..

Конвойный и участники спектакля курят. На сцене – СПИВАК и ШКОЛЬНИКОВ.

ШКОЛЬНИКОВ. Ефим Григорьевич, у меня в самом деле хорошо получилось? Или вы просто для поощрения?

СПИВАК. В самом деле. Один вопрос – чтобы помочь вам зафиксировать ваше внутреннее состояние. Кто был перед вами, когда вы произносили монолог?

ШКОЛЬНИКОВ. Мать. (Помолчав.) Последнее время меня преследует ощущение раздвоенности моей жизни. Расщепленности надвое. Даже натрое. В первой жизни я должен был стать актером. Если бы не война, поступил бы в театральный. Я обязательно стал бы актером. Может быть – неплохим. Особенно если бы повезло поработать с хорошими режиссерами.

Пусть даже не с такими, как вы, но есть же хорошие молодые режиссеры – Товстоногов, Гончаров, Завадский.

СПИВАК. Как знать, как знать. Может, вам удастся поработать и с ними.

ШКОЛЬНИКОВ. Каким образом?

СПИВАК. Таким же, как и со мной.

ШКОЛЬНИКОВ. Ефим Григорьевич, я настоятельно прошу вас оставить шутки подобного рода!

СПИВАК. Виноват. Задумался. И забылся. А когда я задумываюсь, я всегда забываюсь. Пауза.

БОНДАРЬ (Конвойному). Как дела на фронте, земляк? Как там наши?

КОНВОЙНЫЙ. Как ваши – этого мы не знаем. А наши ведут наступление на Сандомирском плацдарме. Захвачен ряд стратегических пунктов.

БОНДАРЬ. Каких?

КОНВОЙНЫЙ. Сказано тебе – стратегических!

ЗЮКИНА. Да он и сам не знает.

КОНВОЙНЫЙ. А вот и знаю! Этот, Кенигсберг, взяли. И этот, Рутен... брутен...

ЗЮКИНА. Бутерброд.

БОНДАРЬ. Рутенберг?

КОНВОЙНЫЙ. Он самый. Название у них – даже говорить противно. То ли дело у нас: Ленинград, Сталинград!

ЗЮКИНА. Сыктывкар.

КОНВОЙНЫЙ. Вот ты вроде и не по пятьдесят восьмой сидишь, а нет в тебе никакого патриотизма!

БОНДАРЬ. Рутенберг. Это в Восточной Пруссии. Километров двести пятьдесят до Берлина.

ЖУК. Не так и много.

БОНДАРЬ. Это если на поезде. А ползком, да под огнем...

ЗЮКИНА. Все равно – скоро. Скоро уже! Победа, а потом амнистия! Обязательно будет! Нам надо выложиться, корешки! Надо такой спектакль зафучить, чтобы вся эта сволочь в три ручья зарыдала: два из глаз, один из жопы!

ЖУК. Сима!

ЗЮКИНА. Ну, ладно, ладно – из носа! (Проходит по гримерке в лихом приплясе.)

Гоп-стоп, Зоя,
Кому давала стоя?
Я давала стоя
Начальнику конвоя!

БОНДАРЬ. Чтобы зэк зарыдал, ему много не надо.

ЗЮКИНА. Какой зэк, какой зэк? Я про первый ряд говорю! Чтоб кителя у них от соплей намокли, а у ихних жен чтоб всю штукатурку с морд смыло! Вот какой нужен спектакль! Сделаем – опер нам все устроит. У него даже на самом верху отчим-фуетчим. Старлей, а даже к начлагу дверь ногой открывает! (Фроловой.) Позанимаешься со мной сегодня еще? Есть стущенка.

ФРОЛОВА. Лучше тушенка.

ЗЮКИНА. Нету. Стущенку сразу даю.

ФРОЛОВА. Годится.

ЖУК. Весна, а усё под тридцатник держит. За ночь всю еду из тела холодом вынимает...

Пауза.

ШКОЛЬНИКОВ. Во второй своей жизни я должен был воевать. Всем классом пришли в военкомат. Через три дня уже грузились в теплушки. В последний момент меня срочно – в штаб. Перед штабом – «зис» отчима. Спасать прибыли. Так и вышло. Мать руки заламывала, отчим ногами топал, грохотал: что я хочу убить ее... Прямо из штаба меня – в училище. Эшелон ушел без меня. Почти все ребята погибли. Первой же зимой, под Москвой.

СПИВАК. Вы тоже могли погибнуть.

ШКОЛЬНИКОВ. Я не боюсь смерти. Погибнуть за Родину – это большая честь. Хотя, конечно, никогда не представлял себя мертвым. Наверное, этого человек вообще представить не может.

СПИВАК. Может.

ШКОЛЬНИКОВ. Смерть – это несуществование. Как можно это представить?

СПИВАК. Смерть может быть и освобождением.

ШКОЛЬНИКОВ. Извините, Ефим Григорьевич. Вы больше меня знаете о театре, вообще о жизни. Но о смерти я знаю больше вас.

СПИВАК. Вам приходилось участвовать в расстрелах?

ШКОЛЬНИКОВ. Проведение подобных мероприятий входит в наши обязанности.

СПИВАК. Поверьте, я не хотел вас задеть.

ШКОЛЬНИКОВ. Задеть – чем? Это – служба. Она часто трудней, чем на фронте. И важней. Без нашего металла не будет брони, без брони – танков. Я всегда понимал важность и нужность моего дела. Но иногда, и в последнее время все чаще, я будто бы возвращаюсь в мою первую, несбывшуюся жизнь. И спрашиваю себя: это – я?.. (Помолчав, убежденно.) Я смогу сыграть Незнамова. Потому что понимаю его, когда он говорит: «Я ничто, я меньше всякой величины...»

СПИВАК. А когда он говорит: «Я чувствую, что по какой-то покатости, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу»? Это – понимаете?.. Вы чем-то взволнованы. Что-то произошло?

ШКОЛЬНИКОВ. Да. И это поразительно. Неожиданно, странным зигзагом судьбы свершилось то, о чем я даже мечтать не мог бы в той своей первой жизни. Это было невозможно, немисливо, для этого мне не хватило бы везения и таланта. Это просто какой-то не заслуженный мною подарок судьбы.

Из гримерки на сцену возвращаются БОНДАРЬ, ЖУК, ЗЮКИНА и ФРОЛОВА.

ФРОЛОВА. Ефим Григорьевич, на завтра кого вызывать?

СПИВАК. Сейчас скажу. Черт, блокнот в балахоне забыл. (Жуку.) Если вас не затруднит...

Школьников отдает Жуку ключ от чулана. Жук уходит.

СПИВАК. Так в чем же этот подарок судьбы?

ШКОЛЬНИКОВ. Лариса Юрьевна, могу я попросить вас пройти со мной маленький отрывок – где Кручинина дает Незнамову деньги на пальто для Шмаги?

ФРОЛОВА. «Деньги, сколько нужно, я заплачу». Этот?

ШКОЛЬНИКОВ. Да.

ЗЮКИНА. Изменщик, изменщик!

ФРОЛОВА. «Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?»

ШКОЛЬНИКОВ. «Да здесь и труда никакого нет».

ФРОЛОВА. «До свиданья».

ШКОЛЬНИКОВ «(помолчав). Позвольте мне у вас руку поцеловать!»

ФРОЛОВА. «Ах, извольте, извольте...»

ШКОЛЬНИКОВ (берет руку Фроловой, Спиваку). Вот в чем этот странный подарок судьбы... Здесь, на этой сцене, я, безродный любитель, волей случая работаю с вами, с одним

из лучших режиссеров страны, и с самой поразительной актрисой предвоенной Москвы – с ни с кем не сравнимой Ларисой Юрьевной Рейн!

В панике, в животном смертельном ужасе Фролова вырывает руку и забивается в самый дальний угол сцены.

ФРОЛОВА. Нет! Нет! Не знаю никакой Рейн! Я Фролова! Фролова! Фролова!

ШКОЛЬНИКОВ. Эта ваша фамилия по мужу. А девичья – Рейн. Под ней вы и играли на сцене.

ФРОЛОВА. Не знаю никакой Рейн! Нет никакой Рейн! Я Фролова» Зэка Фролова, двадцать четвертая бригада, ЧСИР, пять лет!

ШКОЛЬНИКОВ. Прошу вас, Лариса Юрьевна, успокойтесь!

ЗЮКИНА (Школьникову). Вы говорили, ей не было тридцати. Сейчас, значит, не больше тридцати пяти?

ФРОЛОВА. Да! Да! Ей тридцать пять лет! Тридцать пять! Тридцать пять! А мне сто! Посмотрите же на меня! Посмотрите на меня: я старуха! Старая падаль! Старая падаль! Старая падаль!

ШКОЛЬНИКОВ. Вам тридцать пять лет. И никогда больше не будет. У таких актрис, как вы, нет возраста.

ФРОЛОВА. Боже милостивый! Боже милосердный! Да за что же мне это проклятье?! Почему Ты не оставишь меня в неизвестности даже в этом аду?!

ЗЮКИНА. Вон оно что. Рейн. Лариса Рейн. Ни фуя себе фуя!.. (Отводит Конвойного в сторону.) Тушенка, говоришь, есть?

КОНВОЙНЫЙ. Ну. Сколько?

ЗЮКИНА. Три.

КОНВОЙНЫЙ. Да у тебя она что – золотая?! Одну!

ЗЮКИНА. За одну на зоне ищи. Две.

КОНВОЙНЫЙ. Когда?

ЗЮКИНА. Сговоримся...

ШКОЛЬНИКОВ. Успокойтесь, Лариса Юрьевна, все будет хорошо. Все будет очень хорошо! Это же замечательно, что вы с нами! Да принесите же, черт возьми, воды!

Зюкина выходит в гримерку, наливает в кружку воду, подает Школьникову.

ШКОЛЬНИКОВ. Пейте, Лариса Юрьевна.

КОНВОЙНЫЙ (Бондарю). Слышь, артист... а эта вот постановка, что вы разучиваете, она про чего?

БОНДАРЬ. Как тебе сказать... Молодой человек обманул девицу благородного происхождения и женился на другой...

КОНВОЙНЫЙ. Такое в жизни бывает.

БОНДАРЬ. И сказал ей, что ее ребенок умер.

КОНВОЙНЫЙ. А он не умер?

БОНДАРЬ. А он не умер.

КОНВОЙНЫЙ. Нагнул, значит? Вот сучий потрох!

БОНДАРЬ. Она стала знаменитой актрисой, через семнадцать лет приехала в родной город и узнала, что сын жив. Они встретились... Вот, собственно, и весь сюжет комедии Островского «Без вины виноватые».

КОНВОЙНЫЙ (подумав). Жалостливая история. Народ это любит.

ШКОЛЬНИКОВ. Ну, успокоились?.. Все в порядке?..

На сцене появляется ЖУК. Он в растерянности вертит перед глазами ключ, изумленно хлопает себя по бокам.

СПИВАК. Что с вами, Николай Тихонович?

ЖУК. Там... это... Костюмы стырили! А замок целый!

СПИВАК. Как – стырили?!. Все?

ЖУК. Все.

Пауза.

БОНДАРЬ (Конвойному). А это вот у нас на театре называется знаешь как?

КОНВОЙНЫЙ. Это и у нас так же называется: амбец!

БОНДАРЬ. Нет, любезный: антракт!..

Действие второе

Картина третья Перед премьерой

Та же примерка, но сцены не видно. Сцена и зал лагерного клуба отделены от примерки тонкой перегородкой. Из-за нее доносятся голоса Зюкиной и Жука, на сцене идет репетиция пролога – объяснение Мурова и Отрадиной.

В глубине – забор с тройным рядом колючки, внутренняя часть лагерной вахты. Там топчется КОНВОЙНЫЙ, с винтовкой на плече, подняв воротник тулупа и постукивая ного о ногу. Со скрипом раскачивается жестяной фонарь. Порывы ветра, срывается снег. Станный, божественно-праздничный свет холодного полярного полдня.

В гримуборную входит БОНДАРЬ. В руках у него – рулон ватмана. Это афиша. На ней значится:

Третья Норильская городская олимпиада искусств 5 апреля 1945 года
Премьера
А.Н.Островский
«БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ»
Комедия
Драмколлектив 2-го лаготделения
Постановщик Спивак

Полюбовавшись афишей, Бондарь прибавляет ее к заднику, пристукивая по гвоздикам донцем жестяной кружки. Врывается разъяренный СПИВАК.

СПИВАК. Что за грохот, какого черта?!. Иван Тихонович! Мы же работаем!

БОНДАРЬ. Извините: все, все. Вот – смотрите. На зонах уже повесили. Народ очень интересуется.

СПИВАК. Пятого? Ни черта не успеем! Коринкиной нет, Миловзорова нет, костюмов нет! Фроловой-то почему нет? Как я могу без Аннушки прогонять пролог? Бардак какой-то, а не театр!

БОНДАРЬ. Это не театр, Ефим Григорьевич. Это лагерь.

СПИВАК. Где Лариса Юрьевна?

БОНДАРЬ. Вертухай сказал: вышла с бригадой на ТЭЦ. Они там котлованы кайлят.

СПИВАК. Как – с бригадой?! Ее же освободили от общих! Приказом – Школьников же сказал! Бардак это, а не лагерь! Сам-то он где?

БОНДАРЬ. За ней уехал. Вертухаю навставлял: вам было приказано доставить зэка Фролову, а не узнать, где она. С час, как уехал. Насчет Коринкиной и Миловзорова он договорился. Из третьего лаготделения пригонят, у них театр уже месяца три, как распался. Вы их видели, сказали, что подойдут.

СПИВАК. С ними же нужно начинать все с начала! Когда?! (Прислушался. В сторону сцены.) В чем дело? Почему прекратили? (Исчезает.)

Репетиция возобновляется. На вахте появляются ШКОЛЬНИКОВ и ФРОЛОВА. Сдернув с плеча винтовку, Конвойный ведет Фролову в примерку по лабиринтам клубного закулисья.

КОНВОЙНЫЙ. Додумалась, а?.. Счас тебе режиссер фитилей навставляет!.. Это надо же, сама вызвалась на котлован!.. (Вводит Фролову в гримуборную. Зычно.) Зэка, стой! Направо! Садись, мать твою!

Вбегает СПИВАК. За ним появляются ЗЮКИНА и ЖУК.

СПИВАК. Да что тут сегодня... (Видит Фролову.)

КОНВОЙНЫЙ. Гражданин режиссер, зэка доставлена. Она ж сама, сука...

БОНДАРЬ (резко, по-офицерски). Ат-ставить сук!

КОНВОЙНЫЙ (машинально вытягиваясь). Есть отставить! Тьфу, чтоб тебя! (Спиваку.)

То есть, я хотел сказать: она сама вышла с бригадой, никто ее не волок. Сказала бы: есть приказ – всё. А мне втык. А я что? Бегать за ней? (Фроловой.) Дура ты, тетка. Хоть и артистка. На общие – сама! Смеху подобно!

СПИВАК. Это... правда?

ФРОЛОВА. Да.

ЖУК. Фуфайка новая, а уже замызгалась.

СПИВАК. Не отвлекаемся, продолжаем работать! (Зюкину и Жуку.) На сцену. (Бондарю.) Пройдите с ними кусок из третьего акта. Со слов: «Муров, имею честь представиться».

Зюкина, Жук и Бондарь уходят.

КОНВОЙНЫЙ. А мне, это... можно посмотреть?

СПИВАК. Можно.

Конвойный уходит.

Пауза.

СПИВАК. Что же ты с собой делаешь?.. Лариса!.. Зачем?!

ФРОЛОВА. Не нужно, Ефим Григорьевич. Вы сами все знаете.

СПИВАК. Но ведь было же все прекрасно! Три недели ты прекрасно работала, мне хорошо помогала, Аннушка у тебя замечательная. С чего вдруг? На котлованы – сама! Тогда уж сразу нужно было отказываться.

ФРОЛОВА. Слабая я была еще... несло меня.

СПИВАК. Говорил же: не наваливайся на еду!

ФРОЛОВА. Нет, до того еще... С кровью несло... А это – сами знаете.

СПИВАК. О Господи! Знаю. Еще чуть – и конец... Сейчас-то как?

ФРОЛОВА. Нормально сейчас... почти. Спасибо вам, подкормилась тут. Передохнула в придурках. Теперь у меня сил хватит. Если в БУР случайно не угожу... Мне ведь всего четыре месяца и двадцать шесть дней осталось. За это время война кончится. Надежда у меня появилась, Ефим Григорьевич! И мне сейчас нужно держаться от вас подальше.

СПИВАК. Не так уж ты и окрепла. За четыре месяца на земляных можно и без всякого БУРа загнуться.

ФРОЛОВА. Ничего... как-нибудь продержусь.

СПИВАК. Все равно не понимаю. Сейчас-то чего бояться? Тебя все равно узнали. И если будет запрос – найдут. Здесь ли, в бригаде – какая разница?

ФРОЛОВА. Я уже не запроса боюсь. А того, что вы затеяли. На зоне только успели афишу повесить, а все уже: шух-шух. Без вины виноватые: про нас! Даже блатные притихли. С огнем играете, Ефим Григорьевич! Так хоть меня не втягивайте, я и так до костей обгорела.

СПИВАК. Да мы-то при чем? Русская классика. Пьесу предложил Школьников – наш, можно сказать, политрук. Начальство одобрило.

ФРОЛОВА. Это вы потом будете объяснять... долго будете объяснять. И не мне.

СПИВАК. Да ни черта не будет! Ни черта! Будет пустая ремесленная поделка. Бездарная, как мочалка! Работать – с кем? А главное: сам уже, видно, всё – иссяк. Кончился. Сам – вот что главное!

ФРОЛОВА. Перед премьерой у вас всегда это было. Самоедство. В ГИТИСе ребята очень смешно вас показывали. «Бездарь! Боже! Какая бездарь!» И лбом о портал – бум, бум, бум!

СПИВАК. Да? Вот сукины дети.

ФРОЛОВА. Закройте работу, Ефим Григорьевич. Пока не поздно. Лучше момента не будет: артисты не все, костюмы исчезли.

СПИВАК. Нет. (Помолчав.) Я слабый, раздавленный человек. От меня отреклись жена и дочь... и правильно сделали, хоть остались на воле... Я подписал всю чудовищную галиматью, которую нагородил следователь... и лишь на то уповаю, что не принес большой беды людям, на кого у меня требовали показаний... Они и так были обречены.

ФРОЛОВА. На Сундукова... тоже?

СПИВАК. Да... его уже тогда обложили... Но я еще – немножечко человек. И пока я еще хоть немножечко человек, я буду делать то, что обязан делать человек. Помочь, если есть возможность помочь. И сказать свое «фэ», если есть хоть какая-то возможность сказать это в лицо палачам.

ФРОЛОВА. Но хоть пьесу, пьесу смените!

СПИВАК. Да как смеешь ты, моя ученица, как смеешь ты думать, что любой пьесой, даже самой ничтожной, я не смогу сказать то, что хочу! Даже последней мерзопакостью Симонова или Софронова...

ФРОЛОВА. Тихо! Ефим Григорьевич! Дунут же! Симонова! Он все-таки «Жди меня» написал!

СПИВАК. После «Жди меня» ему следовало умереть!.. Даже самую холуйскую мерзопакость я смогу поставить так, что вся эта мразь, считающая себя хозяевами жизни, будет три дня икать – и не знать, от чего! При этом – ни слова не меняя, ни запятой! Потому что я – режиссер! И за мной – Театр! А за ними – лишь жалкая «вохра»!

ФРОЛОВА. Жалкая «вохра». Жалкие танки. Жалкое НКВД. Миллионы вертухаев и стукачей – добровольных, сознательных!

СПИВАК. Да! Да! И все равно их могущество – химера! Все равно – болотный пузырь! И рано или поздно он лопнет! Обязательно лопнет! И зальет весь мир смрадом и трупной гнилью! И я этому помогу. Я! Хоть йотой, згой – чем смогу. Чего бы мне это ни стоило!

Пауза.

ФРОЛОВА. А ведь вы не выйдете отсюда. Никогда.

Пауза.

СПИВАК. Я знаю.

ФРОЛОВА. Милый вы мой... чудный... прекрасный вы мой человек!.. Спасибо вам – за все. Вы сделали для меня больше, чем отец. Когда-то вы открыли во мне актрису. А теперь спасли жизнь... А сейчас... вы отпустите меня. У нас разные дороги. Я не могу рисковать.

СПИВАК. Конечно, отпущу... А жаль. Ну вот, у меня теперь и Аннушки нет.

ФРОЛОВА. Не нужно, Ефим Григорьевич. Вам же не Аннушка была нужна. Вам нужна была я – Кручинина.

СПИВАК. Да. Да! Ты – Кручинина! Господи, какая ты была бы Кручинина! Ты, сегодняшняя, какая есть: с водянкой, с кровавым поносом, доходяга. Несломленная, никого не предавшая! Прекрасная, как сама Дева Мария, какой бы она была, если бы ей пришлось отмотать всю пятерку на общих!.. Ты была большой актрисой. После этого спектакля ты стала бы великой актрисой!

ФРОЛОВА. Великий вы фантазер.

СПИВАК. Не веришь? Ты смеешь не верить – мне?!.. Мотай! Проваливай! Обойдусь! Я и с Зюкиной спектакль поставлю. Она с тобой хорошо прибавила. И есть, есть в ней это – огонечек свободы. Я раздую его – в лесной пожар! Вот о чем будет этот спектакль – о свободе!

ФРОЛОВА. От всего сердца... от всей души... желаю вам... Клянусь, как себе самой никогда ничего не желала... Желаю вам...

СПИВАК (растроганно). Спасибо. Ты всегда была доброй душой.

ФРОЛОВА (с болью). Провалиться! С треском! С позором! Чтобы вас после этого – в самую захудалую самодеятельность! Может, хоть тогда... старый дурак!.. вы останетесь живы!

Пауза.

СПИВАК (удивленно). Я – провалюсь? Да ты хоть соображаешь, что говоришь? Я – провалюсь? (С яростью.) Я – провалюсь?!

ФРОЛОВА. Вот вы и снова в форме.

Входит ШКОЛЬНИКОВ. Перетянут портупеей. В руках у него картонная папка.

ШКОЛЬНИКОВ (предупреждая вопрос Спивака). Ну, звонил, звонил! Даже заехал. Лично говорил с директором театра. Нет у них больше костюмов. Все, что могли, нам отдали.

СПИВАК. А ваши розыскные мероприятия, шмон по зонам? Тоже впусую?

ШКОЛЬНИКОВ. Нет. Нашли финки, спирт, рукописные евангелие. И двенадцать килограммов сухарей. Побег, мерзавцы, готовили. Пока, правда, не знаем кто.

СПИВАК. А костюмы, костюмы!

ШКОЛЬНИКОВ. Костюмы не обнаружены. Портянок из Вашего бархатного балахона тоже нет. Где-то все крепко притырено.

ФРОЛОВА. Видите? Нет костюмов.

СПИВАК. Ну, слышал, слышал! «Нет костюмов, нет костюмов!» Если на то пошло, я эту пьесу и без костюмов поставлю! (Подумал.) Ух, как бы это смотрелось! (Еще подумал.) Вот это ход! Кручинина – зэчка. Незнамов – оперчекист. А все действие происходит в некоем будущем, когда вся страна – лагерь. И смотрите, как ложатся слова Кручининой! (Фроловой.) Ну-ка! (За Дудукина.) «Вы еще не соскучились у нас, не надоело вам?»

ФРОЛОВА (за Кручинину). «А где ж веселее-то? Везде одно и то же!..»

СПИВАК (торжествующе). А?! Вот – современное прочтение классики! А не какое-то там... этнографическое фуфло! «Да где ж веселее-то? Везде одно и то же!»

ФРОЛОВА. Ефим Григорьевич! Может, вам сахару, что ли, погрызть? Дать?

СПИВАК. Ну, действие, конечно, происходит не в нашей стране. Нет-нет, не в нашей. Это же самой собой разумеется. А где-то там (неопределенный жест), где в р е м е н н о победил фашизм. И где, так сказать... все эти дела.

ШКОЛЬНИКОВ. Вам удалось убедить Ларису Юрьевну в неразумности ее поведения?

СПИВАК. Удалось. Но не слишком. Даже, собственно говоря, совсем не удалось.

ШКОЛЬНИКОВ. Тогда попробую я.

СПИВАК. Не буду мешать. (Фроловой.) Как ты сказала: «шух-шух»? (Школьникову.) Нужно развесить на зонах объявления, рядом с афишами. Что спектакль отменяется, так как украли костюмы.

ШКОЛЬНИКОВ. Мы не можем отменить спектакль. Он первым в программе олимпиады.

СПИВАК. Я не сказал: отменим. Просто развесим объявления. И все.

ШКОЛЬНИКОВ. Думаете, что-то даст?

СПИВАК. Не даст так не даст. А вдруг даст? Только это нужно сделать сегодня же. Я передам художнику просьбу – от вашего имени?

ШКОЛЬНИКОВ. Приказ.

СПИВАК. Тем лучше. (Направляется к выходу.)

Его перехватывают ЗЮКИНА и ЖУК.

ЗЮКИНА. Ефим Григорьевич, Коринкину и Миловзорова привезли. Что с ними делать?

СПИВАК. Как что? Срочно вводить. Сейчас приду. Походите пока, покажите рисунок – вы же репетировали Коринкину.

ЖУК. Да им не до ходить, им только сидеть.

СПИВАК. Не понял.

ЖУК. С общих они. У них же три месяца, как нет театра.

СПИВАК (Фроловой). Слышала?

ЖУК. Подхарчить бы их трохи.

СПИВАК. Николай Евдокимович! «Тилько», «трохи». Премьера через неделю! (Быстро проходит на сцену.)

ЖУК. «Трохи». А как надо?

ЗЮКИНА. Трохи, крохи. Немножко.

ЖУК. Не... там немножком не обойдешься.

СПИВАК (возвращается в гримерку). Петр Федорович, неужели так трудно устроить артистам доппаек? Хоть на выпуск спектакля! Хотя бы этим двоим! Я же не могу использовать только сидячие мизансцены!

ШКОЛЬНИКОВ. Доппаяк полагается лишь на тяжелых горных работах.

СПИВАК. А у нас тут что – санаторий?

ШКОЛЬНИКОВ. Попробую. Но обещать не могу.

СПИВАК (Жуку). С вами – два момента. Не стоит, пожалуй, глушить эти ваши «усё» и «тилько». Вы все время контролируете себя, отсюда – зажим. А мы допустим, что Муров откуда-то с юга, из Малороссии: приехал с маменькой, чужак, выговор его еще больше сковывает. Может, Отрадина поэтому его и пожалела. А жалость – начало любви. Зато потом, когда войдет в силу, он и вовсе будет выговором бравировать: «Я учёра два раза заезжал к вам у гостиницу».

ЖУК. Понял. Вот за это спасибочки. То есть, понял.

СПИВАК. Понял, понял! И забудьте об этом. Со вторым – сложнее. Мурова не любят, никто. А вы – больно уж свой. Даже мне в парных сценах трудно держать дистанцию.

ЖУК. Однако, держите. Я же чую.

СПИВАК. Между нами: я представляю, что это вы в свое время написали на меня донос. Своим аккуратным, красивым почерком.

ЖУК. Да Бог с вами, Ефим Григорьевич! Я вас знаю-то с год всего!

СПИВАК. Вы не услышали. Я сказал: представляю. (Школьникову.) С вами и со Шмагой тоже нужно разобраться, что-то там не то. Все, друзья мои, за работу! (Уходит.)

ЗЮКИНА. Покурить бы. (Жуку.) У кого бы стрелнуть?

ШКОЛЬНИКОВ (выкладывает на стол пачку «Казбека»). Угощайтесь.

ЗЮКИНА. Неужели закурили?

ШКОЛЬНИКОВ. Пока нет. Считайте, что это доппаяк. Только курите где-нибудь в другом месте.

ЗЮКИНА. А вы – репетируете?

ШКОЛЬНИКОВ. Вроде того.

ЗЮКИНА. Уходим, уходим. (Берет для себя и Жука папиросы.)

ЗЮКИНА и ЖУК выходят. В продолжение следующей сцены Зюкина то и дело мелькает в кулисах. Ее явно интересует то, что происходит в гримерке.

ШКОЛЬНИКОВ (достаёт из папки заполненный бланк, читает). Фролова Лариса Юрьевна, тридцати пяти лет, место рождения Москва, урожденная Рейн. Я заранее подготовил вопросы. Все правильно?

ФРОЛОВА. Да.

ШКОЛЬНИКОВ. Осуждена 24 июля 1940 года Особым совещанием по статье 58-ЧСИР на пять лет.

ФРОЛОВА. Да.

ШКОЛЬНИКОВ. Вплоть до ареста работала актрисой в театре Сундукова.

ФРОЛОВА. Да.

ШКОЛЬНИКОВ. Имеет сына двенадцати лет, который в настоящее время находится в специнтернате в Тюменской области.

ФРОЛОВА. Он еще там?

ШКОЛЬНИКОВ. Будьте внимательней. Я прочитал: в настоящее время. С отцом, Рейном Ю.И., работающим заместителем наркома...

ФРОЛОВА. Он уже замнаркома?

ШКОЛЬНИКОВ. Лариса Юрьевна, вопросы задаю я.

ФРОЛОВА. Извините.

ШКОЛЬНИКОВ. ...родственных отношений не поддерживает и в переписке не состоит.

ФРОЛОВА. Да. Он от меня отказался.

ШКОЛЬНИКОВ. Почему?

ФРОЛОВА. Потому что я не отказалась от мужа. Можно закурить?

ШКОЛЬНИКОВ. Курите.

Фролова закуривает. Входит СПИВАК.

СПИВАК. Мужчина курит, женщина пишет – контора. Женщина курит, мужчина пишет – допрос. (На укоризненный взгляд Школьникова.) Опять забылся? Полный склероз. (Проходит на сцену, где продолжается репетиция.)

ШКОЛЬНИКОВ. Ваш муж, Фролов А.Д., по профессии художник, был осужден 10 марта 1940 года по статье 58-КРТД за контрреволюционную террористическую деятельность.

ФРОЛОВА. Да.

ШКОЛЬНИКОВ. Вам сообщили приговор Особого совещания?

ФРОЛОВА. Да. Десять лет без права переписки. Это допрос?

ШКОЛЬНИКОВ. После ареста и осуждения мужа формальную родственную связь с ним вы не прервали и своим правом расторгнуть брак не воспользовались.

ФРОЛОВА. Да.

ШКОЛЬНИКОВ. Почему? Вы его очень любили?

ФРОЛОВА. Когда-то любила. Было в нем что-то. Он не думал о куске хлеба, никогда не знал, есть ли у него деньги. Мне это нравилось. А в последние годы... Если бы его не забрали, мы бы разошлись.

ШКОЛЬНИКОВ. Это – очень важно. Вы собирались разойтись с мужем, потому что осуждали его деятельность? Вы не замешаны, это доказано. Но вы могли о ней догадываться.

ФРОЛОВА. Да какая там деятельность! Бред свинячий.

ШКОЛЬНИКОВ. Вы... не доверяете органам?

ФРОЛОВА. Конечно, не доверяю.

ШКОЛЬНИКОВ. Вы... вы хотите сказать, что не верите в правильность приговора?

ФРОЛОВА. Конечно, не верю. Легче доказать, что я заслана с Луны.

ШКОЛЬНИКОВ. Знаете, а на это похоже. Только не засланы, а свалились.

ФРОЛОВА. И это ближе к правде, чем то, что он террорист. Контрреволюционный террорист! Господи! Да он был кто угодно: бабник, трепло, гений, бездарный мазила, пьяница. Но только не террорист. Ни к какой деятельности он вообще не был способен. Нашли террориста!.. Да сядьте вы, Петр Федорович, что вы бегаετε?

ШКОЛЬНИКОВ. А чем же, по-вашему, вызван т а к о й приговор? Вы ведь знаете, что э т о значит?

ФРОЛОВА. Сначала не знала. Потом объяснили. В Бутырке. Значит, не подписал. (Школьников молчит.) Ну, не заложил никого. (Школьников молчит.) Я уж не знаю, как вам и объяснить. Виновным себя не признал. Подписал бы всё, получил бы десятку. Как все нормальные люди. Это мне тоже потом объяснили.

ШКОЛЬНИКОВ. Поговорим о другом. Вы сказали, что в последние годы не любили мужа. Я вас правильно понял?

ФРОЛОВА. Я его ненавидела! Я бывала в театре по пятнадцать часов. Когда после репетиций был спектакль, отец присылал за мной машину. Потому что у меня не было сил идти. Дома я находила полный развал, каких-то художниц в моих халатах, какие-то гении спали носом в селедочницах с окурками. Я была готова его убить. Хорошо, сына можно было оставлять у бабушки.

ШКОЛЬНИКОВ. Но можно же было оформить развод и после его ареста?

ФРОЛОВА. После ареста? Когда в жизни у него осталась лишь я?

ШКОЛЬНИКОВ. Ну, а... потом?

ФРОЛОВА. Потом? Тем более. (Пауза.) Вы в самом деле не понимаете?

ШКОЛЬНИКОВ. Но вы же должны были подумать, пусть не о себе – о сыне!

ФРОЛОВА. О нем я и думала. Поверьте, только о нем. Как бы потом смотрела ему в глаза?

ШКОЛЬНИКОВ. Сыну?

ФРОЛОВА. И сыну. И его отцу, моему мужу.

ШКОЛЬНИКОВ. Но ведь десять лет без права переписки – это...

ФРОЛОВА. Ну да, расстрел. Я же вам сказала, что знаю.

Пауза.

ШКОЛЬНИКОВ. Вы верите в другую жизнь?

ФРОЛОВА. Конечно. А как же можно в нее не верить? Как можно допустить, что это и есть жизнь? Это не жизнь. Все перепуталось. Раньше жизнь давалось человеку как испытание. А потом наступал ад или рай. Сейчас сначала идет ад, и если человек остался в нем человеком, он награждается жизнью.

ШКОЛЬНИКОВ (с иронией). Райской?

ФРОЛОВА. Нет, обыкновенной. Самой обыкновенной. Это и есть рай. Мы не умели ценить жизнь. Нет, не умели. За это и платим.

ШКОЛЬНИКОВ. Мы?

ФРОЛОВА. И вы. Конечно, и вы. У вас – жизнь? Да у вас хуже, чем ад. И нет даже надежды на освобождение. Разве вы не поняли еще, почему вас так тянет к нам? Да потому что в этом сарае есть то, чего вы лишены изначально.

ШКОЛЬНИКОВ. Я знаю, что это. Искусство.

ФРОЛОВА. А это и есть свобода.

Пауза.

ШКОЛЬНИКОВ. Продолжим. Можете ли вы сообщить какие-либо сведения, касающиеся контрреволюционной, антисоветской или любой другой враждебной деятельности бывшего художественного руководителя вашего театра Сундукова?

ФРОЛОВА. Нет.

ШКОЛЬНИКОВ (пишет). «Нет»... Вел ли Сундуков с вами или при вас какие-либо разговоры, которые свидетельствовали бы о его антисоветских настроениях?

ФРОЛОВА. Нет.

ШКОЛЬНИКОВ. «Нет»... Известно ли вам о таких разговорах от третьих лиц?

ФРОЛОВА. Нет.

ШКОЛЬНИКОВ. «Нет»... Лариса Юрьевна, а теперь – самое главное. Вы много лет работали с Сундуковым, играли в его спектаклях, были своим человеком в его доме. Припомните: вырывались же у него какие-то шутки, анекдоты, сомнительные замечания. Вроде того, что сознание – жалкий раб обстоятельств. Заметьте, я не спрашиваю ни о чем серьезном. Таким, как «вся страна – лагерь». Что-нибудь брошенное мимоходом, вскользь, какой-нибудь парадокс... Можете вспомнить?

ФРОЛОВА. Нет.

ШКОЛЬНИКОВ. Поверьте, я хочу вам помочь. Ваш талант – это редчайший алмаз. Он принадлежит не только вам. Он – национальное достояние. Вы должны вернуться на большую сцену. Должны своим талантом служить народу. Обжигать, потрясать, согревать сердца и души советских людей. Они выстояли в этой страшной войне. Они спасли мир от фашистской чумы. И сейчас, как никогда, ваш талант нужен им. Мне не суждено стать артистом. Я так и останусь более или менее способным любителем. Но я никогда себе не прощу, если не сделаю все, чтобы сохранить для советского искусства вас – легендарную Ларису Рейн!.. Вы верите мне?

ФРОЛОВА. Спасибо, голубчик. Да, верю.

ШКОЛЬНИКОВ. Так помогите же мне! Вспомните хотя бы мелочь, ерунду. Сундукову это не повредит, ему уже ничего не повредит, а вам поможет. Это будет знак вашей искренности, готовности помочь следствию. Понимаете?

ФРОЛОВА. Да. Но... Нет, ничего не могу вспомнить.

ШКОЛЬНИКОВ. Не можете или не хотите?

ФРОЛОВА. Не могу.

ШКОЛЬНИКОВ. Что ж, пишите: «С моих слов записано верно». И распишитесь.

ФРОЛОВА (расписавшись). Что все это значит?

ШКОЛЬНИКОВ. Четыре месяца назад на вас поступил запрос. Из Москвы. Поскольку запрос был на Рейн, мы ответили, что такой среди нашего контингента нет. Теперь я допросил вас. Протокол перешлем в Москву. И они сами будут решать, сказали вы правду или вас нужно вызвать для следствия.

ФРОЛОВА. Я же знала! Знала! Не нужно было сюда идти! Знала!

ШКОЛЬНИКОВ. Вас нашли бы и под фамилией Фролова. Чуть раньше или чуть позже. У нас это дело поставлено четко.

ФРОЛОВА. Что, что я могу рассказать им о Сундукове?! Я не видела его пять лет! Я не знаю о нем ничего, кроме того, что он арестован!

ШКОЛЬНИКОВ. А это вы откуда знаете? Я сам узнал только из запроса.

ФРОЛОВА. Знаю... Просто знаю и все.

ШКОЛЬНИКОВ. Не устаю поражаться. У нас эта служба – по последнему, как говорится, слову. Но мне иногда кажется, что у вас – лучше.

ФРОЛОВА. Для вас это служба. А для нас – жизнь. На вас работает один из тысячи... Ну, из ста. Из десяти? Пусть так. Но остальные-то девять – на нас!.. Кажется, я что-то не то говорю. Петр Федорович, голубчик, помогите мне, я ничего не знаю, я ничего не хочу знать!

ШКОЛЬНИКОВ. Да чего вы боитесь? Если вы ни к чему не причастны, вам нечего бояться. А я верю, что не причастны.

ФРОЛОВА. Правда? Вы так думаете?

ШКОЛЬНИКОВ. Я – да. Но если взглянуть на этот протокол со стороны... С мужем, осужденным как враг народа, не развелась. О Сундукове не хочет вспомнить даже мелочи. Только не говорите мне, что ничего не слышали. Он что, из другого теста, чем наш Ефим Григорьевич?

ФРОЛОВА. Не из другого. Еще и как не из другого. Из такого не из другого!

ШКОЛЬНИКОВ. Вот видите. Да из того, что наговорил наш мэтр за последнее время, три дела при желании можно сделать.

ФРОЛОВА. Четыре. Четвертое – на вас. Не пресекли. Попустительствовали. Не приняли мер. Вы ведь тоже... с огнем играете.

ШКОЛЬНИКОВ. Подумайте лучше о себе. Вот как давайте сделаем. Дополним протокол. Примерно следующим... (Пишет.) «Находясь... как актриса... длительное время в тесном общении с обвиняемым Сундуковым... я не могла не слышать его многочисленных высказываний... на различные темы...» «Я допускаю, что среди этих высказываний...» Нет, лучше так: «Часть этих высказываний... могла носить... с точки зрения оценки советской действительности характер...» Враждебный?

ФРОЛОВА. Нет-нет, это неправда.

ШКОЛЬНИКОВ. Критический. Тоже нет? Нашел: «сомнительный». (Продолжает писать.) «Но... будучи полностью поглощена творческой работой...» Даже так: «напряженной творческой работой... а также заботами о семье и воспитании малолетнего сына... на эти высказывания я не обращала внимания. И поэтому... а также за давностью лет... никаких конкретных примеров привести не могу». Согласны?

ФРОЛОВА. Ну... Согласна.

ШКОЛЬНИКОВ. Очень хорошо. Я потом перепишу протокол и дам вам на подпись. Теперь второе. Нужно, чтобы вы подали заявление. Примерно такое: «Прошу расторгнуть мой брак с таким-то, осужденным тогда-то за то-то». Я потом набросаю. «В свое время я не сделала этого, так как находилась под влиянием сильного чувства любви, а также из ложно понятого чувства семейного долга...» Почему вы на меня так смотрите?

ФРОЛОВА. Мой брак? Разве он существует?

ШКОЛЬНИКОВ. Официально – да. Вы же не получили извещения о его смерти?

ФРОЛОВА. Нет.

ШКОЛЬНИКОВ. Значит, он для вас – официально – жив. Более того, вы даже не имеете права – официально – знать, что его расстреляли.

ФРОЛОВА. Кажется, я схожу с ума.

ШКОЛЬНИКОВ. Доверьтесь мне. Я знаю, что делаю. Я посоветовался... с кем надо. Не было связи с Москвой, поэтому мы разговариваем только сегодня. Именно так все и нужно сделать. Ваша просьба о разводе – тоже знак. Что вы осознали. Понимаете? Мы приложим хорошую характеристику. И все будет в порядке. После окончания срока вы даже сможете вернуться в Москву. Не сразу, конечно. Поработаете пока в нашем городском театре. Заберете к себе сына, мы поможем с жильем.

ФРОЛОВА. Неужели это возможно?

ШКОЛЬНИКОВ. Все будет хорошо. Сначала сыграете в этом спектакле. Наши руководители своими глазами увидят, какая вы актриса. Потом возьмем пьесу специально для вас...

ФРОЛОВА. В этом спектакле? Нет, только не это! Это же... Это же кончится... Нет, я... я не могу играть. У меня амнезия, выпадение памяти. Петр Федорович, миленький, отпустите меня – на котлованы. Там... свежий воздух, цветы.

ШКОЛЬНИКОВ. Какие цветы? Пурга!

ФРОЛОВ. Да, цветы. «Вот – незабудки... это на память!.. А вот павилика – она означает верность... Вам полынь; она горька, как горько бывает раскаяние... Я хотела дать и фиалок, да они все завяли... когда умер отец мой...»

ШКОЛЬНИКОВ. Как – умер? О чем вы говорите?

ФРОЛОВА. «Говорят, он тихо скончался...» Это Офелия.

Пауза.

ШКОЛЬНИКОВ. Неплохо. Но хороший психиатр расколется вас без труда. А у нас хорошие психиатры.

ФРОЛОВА. Не сомневаюсь.

ШКОЛЬНИКОВ. Я не понимаю вас.

ФРОЛОВА. Я и о вас забочусь. У вас есть приказ использовать пятьдесят восьмую только на тяжелых физических работах. Чтобы верней... перевоспитать. А здесь и без меня все по пятьдесят восьмой. Вам оно надо?

ШКОЛЬНИКОВ. Нам разрешено в случае необходимости использовать специалистов по специальности. Даже если они по пятьдесят восьмой. Вы – как раз такой специалист.

ФРОЛОВА. Вы можете приказом отправить меня в шахту. Приказать мне играть не можете.

ШКОЛЬНИКОВ. Могу. Правильность моего приказа оценит начальство. А вы обязаны его выполнять. Напомнить, чем грозит невыполнение? Барак усиленного режима – БУР!

ФРОЛОВА. Вы этого не сделаете!

ШКОЛЬНИКОВ. Сделаю.

ФРОЛОВА. Но...

ШКОЛЬНИКОВ. Зэка Фролова!

Фролова встает.

ШКОЛЬНИКОВ. Я понимаю, Лариса Юрьевна, вы сейчас взволнованы. Успокойтесь, подумайте. Я подготовлю бумаги, вы подпишите. И все будет очень хорошо. Договорились?.. А сейчас мне нужно отнести документы.

Школьников уходит. Появляется ЗЮКИНА. Подошла к столу, повертела в руках пачку «Казбека».

ЗЮКИНА. Оркестр!

ФРОЛОВА. Что?

ЗЮКИНА. Я говорю, вся наша жизнь – духовой оркестр. Семеро дуют, один стучит. Не ты ему стукнула?

ФРОЛОВА. О чем?

ЗЮКИНА. Ну, я говорила: лучше бы курева притаранил вместо сушек говенных.

ФРОЛОВА. Мне-то зачем? Догадался, наверное.

ЗЮКИНА. Может. Он такой... догадливый фраер. Да и мать его. (Закуривает.) Чего он к тебе прицепился? Новое дело шьют?

ФРОЛОВА. Как можно закосить? Хоть на неделю. В санчасть, куда угодно.

ЗЮКИНА. Раз плюнуть. Керосином в руку – и гуляй. Месяц твой. Я в Сыктывкаре так выскочила, загибалась на общих. Рука, правда, была что колода.

ФРОЛОВА. Где достать шприц?

ЗЮКИНА. Ты себе? И не рыпайся! Вмиг мастырку расчихают. И сунут срок – за умышленку. С этим сейчас сурово. Тут лепила свой нужен.

ФРОЛОВА. У тебя есть?

ЗЮКИНА. У меня-то есть. Только тебе-то с ним чем расплачиваться? Залететь еще можно. Ну, забеременеть.

ФРОЛОВА. Долго. Мне нужно быстро, сейчас.

ЗЮКИНА. Эй! Ты что, когти рвать хочешь? А я как же? Сколько я тебе тушенки перетаскала? Договорились же, что доведешь меня до премьеры. А теперь – в кусты?

ФРОЛОВА. Мне – нужно.

ЗЮКИНА. Тогда гони тушенку обратно!

ФРОЛОВА. Я тебя и так довела почти до премьеры.

ЗЮКИНА. Почти! Сука! Ты думаешь, мне тушенка даром достается? А я еще припасла. Две банки. Специально для тебя. Стала бы я корячиться, если бы с тобой не было уговора!

ФРОЛОВА. Я тебе дам совет. Вместо тушенки. Мотай отсюда. Как можно быстрее. Здесь – паленым тянет.

ЗЮКИНА. Мотать? Перед самой премьерой? Совсем ты, подруга, да? И за это ей долг скости! Ну, ты даешь стране угля, хоть мелкого, но до...

ФРОЛОВА. Мотай, тебе говорят! У меня на это глаз ведьмин. Керосин, что угодно. Прокантуешься до амнистии, придешь в городской театр – возьмут. Того, что в тебе уже есть, хватит. А там дашь кому надо и выйдешь в примы. Еще и заслуженной артисткой станешь.

ЗЮКИНА. Заслуженной артисткой республики?.. Да я... Да за это я всем дам!

ФРОЛОВА. Всем-то как раз и не надо.

ЗЮКИНА. А кому надо?

ФРОЛОВА. Разберешься.

ЗЮКИНА. Вот, значит, как оно делается... А в Москве – тоже так? В театре, где ты работала?

ФРОЛОВА. Театра, где я работала, больше нет. Таких театров... уже ни одного, наверное, не осталось... И будут ли когда?..

ЗЮКИНА. Ты чего? Плачешь? Во, бляха-муха, с чего? Ну, не осталось и не осталось, тебе-то что?

ФРОЛОВА. Нет, остался. Один. Этот вот – наш... Может быть, он – последний!..

Гримерка оживляется. Появляются СПИВАК, БОНДАРЬ, ЖУК, КОНВОЙНЫЙ. Из-за кулис входит ШКОЛЬНИКОВ.

СПИВАК. После перерыва начнем прогоны. (Школьникову.) Вы освободились?

ШКОЛЬНИКОВ. Секунду. (Конвойному.) Отведите артистов в пищеблок. Всех наших и новеньких. Хлеба – всем по две пайки. Предупредить: хоть одну зажмут – БУРа понюхают. (Спиваку.) Это все, что я смог сделать.

СПИВАК. Спасибо.

ЖУК. Ефим Григорьевич, вам баланду принести?

СПИВАК. Сделайте одолжение. И для Ивана Тихоновича. (Бондарю.) Вы мне сейчас понадобитесь.

В сопровождении Конвойного Зюкина, Фролова и Жук уходят.

СПИВАК. Итак, Незнамов и Шмага... Что с вами, Петр Федорович?

ШКОЛЬНИКОВ. Очень хорошие новости. Только что передали: разгромлена группа армий «Висла», войска Первого Белорусского всего в шестидесяти километрах от Берлина.

БОНДАРЬ. Первый Белорусский – это Жуков. Справа от него – Василевский и Рокоссовский. С юга – Первый Украинский: Конев... Гитлер капут. Всё. Гитлер капут... Гитлер капут!..

Пауза.

СПИВАК. Давайте работать. Третий акт, явление восьмое. «Шмага, поди сюда».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Шмага, Шмага, поди сюда! поди сюда, говорят тебе!»

БОНДАРЬ-ШМАГА (издали). «Бить не будешь?»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Да не буду, очень мне нужно об тебя руки марать». (Шмага подходит. Незнамов берет его за ворот.) «Говори, говори! Что там шепчутся, что говорят обо мне?»

СПИВАК. Стоп. Здесь с самого начала неправда. (Бондарю.) Физически он сильнее вас?

БОНДАРЬ. Да нет, конечно.

СПИВАК. Социально кто выше – Шмага или Незнамов?

ШКОЛЬНИКОВ. Он. «Я ничто, я меньше всякой величины».

БОНДАРЬ. Правильно. А у меня – вид.

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «На этом виде значит: «сын отставного канцеляриста; исключен из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камловой шинели и оставлен в подозрении». Ну разве не восторг иметь такой документ!..»

БОНДАРЬ. А у него и такого нет.

СПИВАК. Скажите это ему!

БОНДАРЬ. А у вас и такого нет.

СПИВАК. Шмага с Незнамовым на «вы? Это для меня новость».

БОНДАРЬ. А у... тебя и такого нет!..

В гримерке появляются ФРОЛОВА, ЗЮКИНА и ЖУК. Фролова и Зюкина подсаживаются к буржуйке. Жук ставит на стол две алюминиевые миски, кладет рядом пайки хлеба. А ложка у каждого своя.

СПИВАК. Спасибо. (Бондарю.) Поняли, в чем дело?

БОНДАРЬ. Он же – в форме. А я...

СПИВАК. Вы и в костюмах были с ним внутренне на «вы». Это принципиально неверно.

ШКОЛЬНИКОВ. Ефим Григорьевич, а вы не могли бы нам показать, как нужно?

СПИВАК. Показ – не мой метод. Ну да ладно. (Занимает место Бондаря.) Начали.

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Шмага, Шмага, поди сюда! поди сюда, говорят тебе!»

Спивак-Шмага, случайно увидев себя в зеркале, начинает охорашиваться, поправлять прическу, придает себе гордый и независимый вид.

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ (вынужден повторить). «Поди сюда, говорят тебе!»

Налюбовавшись собой, Спивак-Шмага длинно, вкусно зевает.

СПИВАК-ШМАГА (сквозь зевету). «А бить не будешь?»

ЗЮКИНА (аплодирует). Bravo!

СПИВАК. А вы почему не работаете? (Фроловой.) Займитесь Коринкиной и Миловзоровым. Серафима Андреевна вам поможет.

Зюкина и Фролова проходят на сцену. Жук устраивается возле печки.

СПИВАК. На точку. (Школьников и Бондарь занимают свои места.) Текст!

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Шмага, Шмага, поди сюда!»

Бондарь-Шмага долго, внимательно рассматривает себя в то же зеркало, перед которым охорашивался Спивак-Шмага. Но то, что он видит, никакой гордости у него, судя по всему, не вызывает.

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Поди сюда, говорят тебе!»

БОНДАРЬ-ШМАГА. «А бить не будешь?»

СПИВАК (взрываясь). Да кого вы боитесь?! Вы, фронтовик! Кем вы были?

БОНДАРЬ. Командир разведроты, гвардии капитан.

СПИВАК. Разведроты! Языков небось добывали! И не одного!

БОНДАРЬ. Восемнадцать. На девятнадцатом попали в засаду.

СПИВАК. Восемнадцать! Да за это героя нужно давать!

БОНДАРЬ. Мне и дали.

СПИВАК. И вы, Герой Советского Союза, гвардии капитан, боитесь этого пидора?! Он же для вас – тыловая крыса, сопляк! Ваши боевые друзья сейчас, может быть, ворвались в Берлин!

ЖУК (обеспокоенно). Ефим Григорьевич. Иван Тихонович. Может, пообедаете сначала?

БОНДАРЬ. Я его... не боюсь. Нет. Я их всех...

СПИВАК. В самом деле, давайте прервемся. Чем нас сегодня радует котлопункт 2-го лаготделения?

БОНДАРЬ (Школьникову). Жирные вши. Полстраны засадили – думаете, так и будет? Всегда?

ЖУК (с отчаянием). Баланда стынет!

Привлеченные шумом, со стороны сцены появляются ФРОЛОВА и ЗЮКИНА.

БОНДАРЬ. Думаешь, защитит вас ваша разжиревшая «вохра»? За вышками, рассчитываешь, отсидитесь? Как бы не так. Наши вернутся, они устроят вам берлинскую операцию и сталинградский котел!

Школьников ошеломленно оглядывается, хватается за кобуру. Зюкина испуганно прячется.

ЖУК (заметавшись). Гражданин начальник... Петр Федорович, я... мне... Ключ от чулана дайте, я, это, реквизит возьму, прогоны же начинаем!

Школьников машинально дает ему ключ. Жук исчезает. Зюкина осторожно выглядывает из-за кулис.

БОНДАРЬ. За каждую кровинку, за каждую загубленную жизнь заплатите. За каждую вдовью слезинку, за каждую сиротскую долю! И осиновый кол в ваш скотомогильник вобьем! Чтoб никому никогда nepoвaднo былo! Никому! Никогда! (Спиваку.) Нет, я его не боюсь. (Школьникову, с издевкой.) «А бить не будешь?»

Пауза. Бондарь садится к столу, достает из-за голенища валенка алюминиевую ложку и начинает безучастно хлебать баланду.

ШКОЛЬНИКОВ (Спиваку). Скажите, Ефим Григорьевич... И что – действительно все так думают? Вы? И на зонах? И вообще... так?

СПИВАК. Хотелось бы вас утешить. Но боюсь, нечем. Да, так. Или примерно так.

ШКОЛЬНИКОВ. Лариса Юрьевна! Только – честно! Все?

ФРОЛОВА. Конечно, все.

Пауза.

ШКОЛЬНИКОВ. Что же это?.. Что же это такое?.. (Вдруг.) «Я не разбойник, не убийца, во мне кровожадных инстинктов нет; но все-таки я чувствую, как по какой-то покатоности, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу!...» (Быстро уходит.)

Пауза. Зюкина подходит к Фроловой.

ЗЮКИНА (негромко). Согласна – квиты. Ну – глаз! Бывай, подруга. (Уходит за кулисы, тут же возвращается, сует Фроловой банку тушенки.) Держи. За совет. Стоит. (Скрывается, вновь появляется. Издали кидает Фроловой еще банку.) Теперь – совсем квиты! (Исчезает.)

Входит чем-то ошеломленный ЖУК.

ЖУК (показывая за кулисы). Там!.. Там!..

СПИВАК. Что – там?

ЖУК. Костюмы! Нашлись! У том же чулане!

СПИВАК. Как – нашлись? Все?

ЖУК. Все! А замок обратно целый!.. (Убегает, возвращается с охапкой театральных костюмов.) Все, все, все! Там, там, тарам! (Бросает Спиваку его костюм.) Ваш балахон. (Фроловой.) Ваша халабуда. (Бондарю.) Твой спинжак!

СПИВАК. Завтра и раздали бы.

ЖУК. Никаких завтра! Кажен получает и хочь спи в ём, но чтоб был целый! Завтра! До завтра еще сто раз стырят! (С охапкой оставшихся костюмов проходит на сцену.)

БОНДАРЬ (покончив с баландой). Вкусные и калорийные блюда согласно раскладке готовит кормоцех нашего лаготделения. (Уходит.)

Неожиданно электрический свет гаснет, затем загорается вполнакала.

СПИВАК. А я все думал: чего нам сегодня еще не хватает? Оказывается: чтобы свет вырубили. (Снимает со стены и зажигает «летучую мышь».)

Свет выравнивается. Спивак прикручивает фитиль в лампе, оставляет ее на столе. С интересом рассматривает свой балахон.

СПИВАК. Нашлись... надо же!.. Верно сказано: искусство – оно всегда доходит.

ФРОЛОВА. Даже жалко, что нашлись, да? Рухнула ваша грандиозная идея поставить Островского без костюмов.

СПИВАК. Грандиозные идеи никогда не рушатся целиком. Если они действительно грандиозные. Я знаю, как сделать. Даже в костюмах. Следи. В выгородке будет что-то такое, из нашего быта, очень узнаваемое... Что? Да вот – клифт. (Берет замызганную фуфайку, кладет на лавку.) И вот Дудукин... (Набрасывает поверх колушка бархатный балахон. «Прогуливаясь по аллейке».) «Что ж делать? Жизнь-то у нас в провинции, скучна очень...» И смотри, что я делаю дальше! (Останавливается у скамейки. Как бы в рассеянности берет фуфайку, внимательно разглядывает ее, как бы недоумевая, что это такое, одновременно давая возможность зрителям в подробностях рассмотреть лагерный клифт. Кручининой.) «Вы еще не соскучились у нас? Не надоело вам?» (За Кручининой.) «Да где веселее-то? Везде одно и то же!» И – зона молчания. На минуточку! Полная тишина!

Полная тишина. И в ней: где-то бьют по рельсу на «съем», лай овчарок с вахты, мат конвоя.

СПИВАК (бросает фуфайку на место, торжествуя). Вот! Вот то, что надо! (Еще послушал лагерную тишину.) Вот тут они и начнут икать!

Фролова молча подходит к столу, берет «летучую мышь» и с силой швыряет ее в задник. Пробив трухлявый картон, тяжелая лампа падает на сцену. Вспышка, пламя мгновенно охватывает сцену и зрительный зал лагерного клуба.

Суматошно заколотили по рельсу. Вой сирен пожарных машин.

Картина четвертая Аплодисменты

Сцена в клубе 3-го лаготделения. Это бывшая столовая, кое-как переоборудованная под клуб. На заднем плане брезентовый, в дырах, занавес, отделяющий сцену от зрительного зала. Сцена заставлена бутафорской мебелью со следами пожара.

На сцене – ЖУК. Поправляет мебель, проверяет, все ли на месте.

Появляются СПИВАК, ФРОЛОВА и БОНДАРЬ.

ЖУК. Вот здесь и будем играть. А переодеваться – там, в боковушке. Нормально. Дует, правда, изо всех щелей. А так нормально.

СПИВАК. Артисты в сборе?

ЖУК. Зюкиной тилько нет, за ей послали. И платье не подогнала. Вот (показывает платье Кручининой) – ношусь с им, как с писаной торбой, чтоб не стырили.

Входит ШКОЛЬНИКОВ. Он в сценическом костюме Незнамова, в руках – рыжий парик.

ШКОЛЬНИКОВ. Считаю своим долгом поставить всех в известность. К нам поступил сигнал. О злобной антисоветской пропаганде, допущенной зэка Бондарем. А также о враждебных высказываниях руководителя драмколлектива и его членов.

ФРОЛОВА. Настучала, значит, какая-то сука. Интересно, кто?

ШКОЛЬНИКОВ. Расследовать сигнал поручили мне. Но я отказался, так как не могу считать себя объективным. Дело передано другому следователю. Считаю долгом добавить. Ефим Григорьевич, с самого начала нашей работы, понимая, что имею дело с одним из крупнейших мастеров советского театра, я вел подробную запись всех репетиций. Дома, по вечерам. Я вынужден буду предоставить свои записи в распоряжение следователя.

СПИВАК. Так это же замечательно. Насколько я знаю, все эти дела с грифом «Хранить вечно»?

ШКОЛЬНИКОВ. Да.

СПИВАК. Значит, мне обеспечена вечная...

ФРОЛОВА. Память.

СПИВАК. Лариса Юрьевна! Слава!

ШКОЛЬНИКОВ. Не думаю, что сейчас время для шуток.

СПИВАК. Напротив. Как раз для шуток сейчас и время. (Школьникову.) Почерк, надеюсь, у вас разборчивый?

ШКОЛЬНИКОВ. Разборчивый. Не такой, конечно, красивый...

СПИВАК. Как в доносе?

ШКОЛЬНИКОВ. Но разобрать можно.

СПИВАК. Так, так.

Жук с озабоченным видом скрывается за кулисами.

ШКОЛЬНИКОВ. Я много думал над тем, что произошло. (Бондарю.) Вы – враг. Не берусь судить, японский вы шпион или не японский, но вы – злобный классовый враг! Неправда, что все думаю так, как вы! Нет! Весь советский народ безгранично предан делу Ленина-Сталина! Таких, как вы – жалкие единицы!

БОНДАРЬ. Плохо считаешь, опер. Просчитаешься.

ШКОЛЬНИКОВ (Спиваку). А такие, как вы, – питательная среда. Вы насквозь поражены скептицизмом, для вас нет ничего святого, вы отравляете своей ядовитой иронией и неверием всех, кто вокруг вас. В своем честолюбии вы тщитесь встать выше партии, выше народа, выше всех! Скажете, нет?

СПИВАК. Вы совершенно правы, голубчик. Конечно, тщусь. Выше партии – это само собой. И даже выше народа. Я тщусь встать вровень с Господом Богом. Это удел художника. Любого. Если нет – он просто холуй.

ШКОЛЬНИКОВ (Фроловой). Это относится и к вам. Я думал над нашим разговором. Вы же не о сыне думали – о себе. «Как я смогу посмотреть ему в глаза». «Я» – вот что для вас самое главное! Я часто злился на мать. Чуть что – кидалась меня спасать: от фронта, от всего. А ведь так и должна поступать любая мать! А вы? Вы принесли в жертву сына – во имя чего?!. Прошу приготовиться к спектаклю. (Идет к выходу. Остановился.) Я долго не мог понять смысл приказа наркома: использовать пятьдесят восьмую статью только на тяжелых физических работах. Теперь понял. Только так можно выжечь гниль в ваших душах и вернуть вас, если это вообще возможно, к жизни советского общества. Только так. Только так! Только так! (Ушел.)

Пауза.

СПИВАК (Бондарю). Иван Тихонович, виноват я перед тобой. Перед всеми я виноват, но перед тобой особенно. Прости меня, старого идиота. Бьют, бьют, а все мало.

БОНДАРЬ. Все в порядке, Ефим Григорьевич. Вы заставили меня вспомнить, что я человек. И этого я уже никогда не забуду.

Вбегает КОНВОЙНЫЙ.

КОНВОЙНЫЙ. Гражданин режиссер, Зюкиной не будет!

СПИВАК. Как – не будет? Где она?

КОНВОЙНЫЙ. В больничке. Рука – во, и температура под сорок. Что будем делать?

СПИВАК. Ничего. Я могу поставить спектакль без костюмов. Я могу поставить спектакль без декораций. Но поставить «Без вины виноватые» без Кручининой не могу даже я. Впрочем, это уже не имеет значения.

ФРОЛОВА. Имеет.

Пауза.

СПИВАК. Хочешь сыграть?

Пауза.

ФРОЛОВА. Да.

СПИВАК. С т а к и м Незнамовым?

ФРОЛОВА. Да.

СПИВАК. Как?

ФРОЛОВА. Я знаю.

Пауза.

СПИВАК. Николай Евдокимович, подите-ка сюда, голубчик!

ЖУК (выходит из-за кулис). Ефим Григорьевич! Все равно настучали бы! Не я, так другой! Вы ж удержу не знали! Я все время вам намекал, покашливал! А у меня трое по лавкам, да старики старые, мне всего тилько два года осталось!.. Простите меня, люди добрые!

БОНДАРЬ. Бог тебя, Иуда, простит.

СПИВАК. Где платье Кручининой?

ЖУК (поспешно приносит платье). Вот.

СПИВАК (Фроловой). Запас есть. Подгонишь?

ФРОЛОВА. Сделаю. (Берет платье, уходит.)

СПИВАК. Реквизит?

ЖУК. Все у полном порядке.

СПИВАК. Занавес не заедает?

Жук поспешно раздвигает брезентовые полотнища занавеса. Открывается лагерный зрительный зал – с рядами лавок и десятком новеньких венских стульев в первом ряду.

Пауза.

СПИВАК. Ну, ни пуха!

БОНДАРЬ. К черту, к черту!

Брезентовый занавес закрывается. Перед ним появляется КОНВОЙНЫЙ с винтовкой.

КОНВОЙНЫЙ (зычно). Контингент, внимание! Гражданин режиссер, докладайте.

СПИВАК. Дорогие друзья! Драмколлектив 2-го лаготделения продолжает показ сцен из комедии великого русского драматурга Островского «Без вины виноватые». (Уходит.)

КОНВОЙНЫЙ. Контингент, напоминаю! Вставать с мест и переходить с места на место запрещено! Переговариваться и подавать реплики запрещено! Аплодировать запрещено!

Занавес открывается. На сцене: «площадка в большом барском саду», реализованная в соответствии со скудными возможностями постановщиков. На покрытом дерюгой ящике – алюминиевые кружки, призванные изображать дудукинский хрусталь. На сцене: СПИВАК-ДУДУКИН, ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА, БОНДАРЬ-ШМАГА, ЖУК-МУРОВ, ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. На Школьникове – рыжий парик.

СПИВАК-ДУДУКИН. «Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглохшее стоячее болото нашей захолустной жизни!»

Все берут кружки.

СПИВАК-ДУДУКИН. «Господа, я реторики не знаю, я буду говорить просто. У нас, людей интеллигентных, в провинции только два занятия: карты и клубная болтовня. Так почтим же талант, который заставил нас забыть наше обычное времяпровождение. Мы спим, господа, так будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают о том идеальном мире, о котором мы забыли... Господа, выпьем за редкий талант и за хорошую женщину, Елену Ивановну!»

Все чокаются с Фроловой-Кручининой и пьют.

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Шмага, мы выпьем за хорошую актрису, а за хороших женщин пить дело не наше. Да и кто их разберет, хорошие они или нет».

СПИВАК-ДУДУКИН. «Незнамов, что вы!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Виноват».

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Я за свои труды уже достаточно вознаграждена и нравственно и материально. Господа, честь, которую вы мне оказали, я обязана разделить с моими товарищами. Господа, я предлагаю тост за всех служителей искусства, за всех тружеников на этом благородном поприще, без различия степеней и талантов!»

СПИВАК-ДУДУКИН. «Справедливо, прекрасно, благородно... Незнамов, Шмага, за ваше здоровье!»

БОНДАРЬ-ШМАГА. «Наконец-то я сподобился, что за мое здоровье пьют.»

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Ну, теперь уж, Нил Стратоныч, я поеду, мне пора.»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Нет, куда ж вы? Нет, позвольте! Так нельзя!.. Вы уж мне позвольте сказать несколько слов, я вас не задержу».

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Сделайте одолжение! Мне будет очень приятно послушать вас; да и надеюсь, что и всем тоже».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Господа, я получил позволение говорить и потому прошу не перебивать меня».

СПИВАК-ДУДУКИН. «Говорите!»

БОНДАРЬ-ШМАГА. «Говори, говори!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Господа, я предлагаю тост за матерей, которые бросают детей своих!»

СПИВАК-ДУДУКИН. «Перестаньте, что вы, что вы!»

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Нет, говорите, говорите!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Пусть пребывают они в радости и веселии, и да будет усыпан путь их розами и лилиями. Пусть никто и ничто не отравит их радостного существо-

вания. Пусть никто и ничто не напомнит им о горькой участи несчастных сирот. Зачем тревожить их? За что смущать их покой? Они все, что могли, что умели сделали для своего милого чада. Они поплакали над ним, сколько кому пришлось, поцеловали более или менее нежно. И прощай, мой голубчик, живи, как знаешь! А лучше б, мол, ты умер. Вот что правда, то правда: умереть – это самое лучшее, что можно пожелать этому новому гостю в мире. Но не всем выпадает такое счастье... А бывают матери и чувствительнее; они не ограничиваются слезами и поцелуями, а вешают своему ребенку какую-нибудь золотую безделушку: носи и помни обо мне! А что бедному ребенку помнить? Зачем ему помнить? Зачем оставлять ему постоянную память его несчастья и позора? Ему и без того каждый, кому не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором. А знают ли они, как иногда этот несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливает слезами маменькин подарок? Где, мол, ты ликуешь теперь, откликнись! Урони хоть одну слезу на меня! Мне легче будет переносить мои страдания, мое отчаяние. Ведь эти сувениры жгут грудь».

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Он, он?»

Подходит к Школьникову-Незнамову, всматривается, ощупывает руками его лицо, как слепая. Снимает с головы Школьникова парик. И отшатывается, как отшатнулась бы зэчка, узнав в оперчекисте своего сына.

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Он, он!..» (Отступает, пятится, сползает по порталу.)

СПИВАК-ДУДУКИН. «Ах, боже мой, она умирает! Доктора, доктора! Вы ее сын. Вы убили ее!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Я ее сын?»

СПИВАК-ДУДУКИН. «Да. Сколько лет она искала вас! Ее уверили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видела вас в мечтах своих, разговаривала с вами».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «У ней не было других детей?»

СПИВАК-ДУДУКИН. «Что вы, что вы!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «А как же мне сказали? Господа, зачем вы обманули меня?»

СПИВАК-ДУДУКИН. «Тише, тише, она приходит в себя».

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Господа, я мстить вам не буду, я не зверь. Я теперь ребенок. Я еще не был ребенком. Да, я ребенок. (Падает на колени перед Кручининой.) Матушка, мама!»

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА (с тем же выражением отвращения и ужаса отодвигаясь от Школьникова-Незнамова). «Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама!»

ШКОЛЬНИКОВ-НЕЗНАМОВ. «Я здесь».

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА (отодвигаясь все дальше). «Да, это он...»

И вдруг потянулась к нему, обняла, как любая мать обняла бы своего сына – даже мать-зэчка сына-оперчекиста.

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «Гриша, мой Гриша, какое счастье!.. Как хорошо жить на земле... Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь... теперь он нашел свою мать... и будет еще лучше!»

Пауза.

СПИВАК-ДУДУКИН. «Я думал, что вы умерли!»

ФРОЛОВА-КРУЧИНИНА. «От радости не умирают».

Школьников быстро уходит. Спивак, Фролова и Бондарь выходят на авансцену. Жук медлит. Бондарь и Спивак расступаются, давая и ему место.

Общий поклон.

КОНВОЙНЫЙ (предупреждая аплодисменты). Контингент! Прекратить! Контингент, напоминаю: аплодисменты запрещены! (Передергивает затвор винтовки.) Прекратить!

Занавес закрывается. Участники спектакля обессиленно рассаживаются кто куда.

ФРОЛОВА. Вот и все.

Быстро входит ШКОЛЬНИКОВ. Он в форме.

ШКОЛЬНИКОВ. Зэка Спивак!

СПИВАК (встает). Я.

ШКОЛЬНИКОВ. Зэка Фролова, она же Рейн.

ФРОЛОВА (встает). Я.

ШКОЛЬНИКОВ. Зэка Бондарь!

БОНДАРЬ (встает). Я.

ШКОЛЬНИКОВ. Переодеться. Мне приказано доставить вас в следственный изолятор.

Спивак сбрасывает с кобушка балахон, отдает Жуку. Фролова, Бондарь и Жук уходят. Школьников их сопровождает. На сцене остаются Спивак и Конвойный.

КОНВОЙНЫЙ. Гражданин режиссер... Ефим Григорьевич!.. Можно спросить?.. А почему эта постановка – комедия?

СПИВАК. А что же это, если не комедия? Конечно, комедия... Через семнадцать лет встретились мать и сын... Она знаменита, богата... Он – здоров... И оба – на свободе... Это же, согласитесь, смешно!

ШКОЛЬНИКОВ проводит через сцену на выход ФРОЛОВУ и БОНДАРЯ. По его молчаливому знаку к ним присоединяется и СПИВАК. Уходят.

Конвойный отставляет винтовку и выходит на авансцену.

Пауза.

Оружейный залп. И заунывно забили по рельсу.

КОНВОЙНЫЙ. После демобилизации я закончил вечернюю школу. Потом педагогический институт. А еще позже – театроведческий факультет ГИТИСа. Я написал три книги о творчестве Островского. Но когда студенты спрашивают у меня, почему «Без вины виноватые» комедия, я предлагаю каждому из них ответить на этот вопрос самому. Потому что я не знаю другого объяснения, чем то, что услышал в апреле сорок пятого года, когда в мою жизнь впервые вошел театр... Не знаю!.. (Плачет.) Не знаю!..

На сцене появляются ФРОЛОВА, БОНДАРЬ, ЖУК, ЗЮКИНА. Потом – ШКОЛЬНИКОВ. Последним – СПИВАК. Выходят вперед. Общий поклон.

КОНВОЙНЫЙ. Ну, что же вы?.. Аплодируйте!.. Сегодня это разрешено!..

Экспертиза

Драма в 2-х действиях

Действующие лица

КЛИМОВ – военный инженер, специалист по взрывчатым веществам

ВЕНГЕРОВ – председатель министерской экспертной комиссии

ДРОЗДОВ – начальник строительства рудника

ЗОЯ – его жена, учительница

ВАРЯ – их дочь, школьница

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ – бригадир проходчиков

ПЕТУХОВ (Володя Длинный), ПОЛСТЯНКИН – проходчики

СТАРИК ЗНОБИШИН – взрывник

ВЕРА Голубева – ламповщица на руднике

СТЕПАНОВ-младший – студент

СОФЬЯ ИВАНОВНА – его мать

ШМЕЛЕВ – горный инженер

ГАНШИН – прокурор города

ПРИЕЗЖИЙ – молодой рабочий

Дежурная в гостинице, рабочие-горняки

На севере, 1985 год.

От автора:

Много лет назад, еще в советские времена, я начал эту пьесу. И остановился, хотя для этого не было, казалось, никаких причин. И это больше всего раздражало. Так и лежала. И вспоминалась лишь в разговорах с театральными деятелями, которые иногда интересовались, нет ли у меня чего-нибудь новенького. Не из того, что уже написано и даже выпущено ВААПом, а совсем новенького. Есть, с готовностью отвечал я. Социальная драма. Взрыв на руднике, два горняка гибнут, приезжает комиссия, ей все врут...

– А может, эти двое не совсем погибли? – слышал в ответ. – Может, они просто в больнице и не могут участвовать в действии?

– Нет, – со вздохом говорил я. – Совсем.

Как правило, этого оказывалось достаточно. Но однажды нашелся директор театра, который спросил:

– А как вся эта история кончается?

Я заверил:

– Правильно.

– А что, это может быть интересно, – сказал он. – Почему бы вам не написать эту пьесу?

Я пообещал. На моем месте так поступил бы каждый. Потому что если драматурга просит об этом театр...

Пьеса написалась. Но к тому времени у директора театра изменились планы, и ему стало не до моего сочинения, к тому же не вполне идеологически стерильного. Я понял, что всесоюзная слава прошла мимо морды, как Азорские острова, и городажа не будет. Городаж – это когда пьеса широко пошла по стране. Но потом пьесу опубликовал альманах «Современная драматургия», а еще через некоторое время я узнал, что ее поставили в шахтерском Донецке и в шахтерском Новокузнецке. Не городаж, но и на том спасибо.

Прошло двадцать пять лет. Я не то чтобы забыл о своем давнем драматургическом опыте, но смирился с тем, что он так и останется мелким фактом моей биографии. Страшная трагедия на шахте «Распадская» побудила меня перечитать пьесу. Честно скажу, я был поражен. Ничего не изменилось. Ничего! Хоть ставь на титуле «2010» вместо «1985».

Действие первое

I

В темноте мелькают огни – лампы на касках горняков. Двое проходчиков, ПЕТУХОВ и ПОЛСТЯНКИН, выносят из забоя к устью штрека что-то громоздкое, металлическое.

ПОЛСТЯНКИН. Полегче, полегче! Ставим! (Отдыхают.) Говорят, покойник всегда тяжелей, чем живой человек. С механизмами, видно, то же.

ПЕТУХОВ. Кранты механизму. Вещественное доказательство.

ПОЛСТЯНКИН. Болтай побольше! (Оглядывается в сторону забоя, прислушивается.)

Со стороны главного ствола появляется бригадир проходчиков ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ, разматывая кабель лампы-переноски. Цепляет лампу за костыль в крепи, кому-то свистит.

ПОЛСТЯНКИН. Куда это, Вовчик?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Сюда давай, к стенке. Кто с тобой? (Посветил.) А-а, Длинный... беги скажи ребятам, пусть все сюда сносят. (Петухов уходит.) Нашли?

ПОЛСТЯНКИН. Что?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. «Что»! А то не знаешь!

ПОЛСТЯНКИН. Нет.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А эти?

ПОЛСТЯНКИН. Да они и не ищут: план забоя, кто где стоял. А была, Вовчик, уверен?

Ярко вспыхивает лампа-переноска, освещая во всех подробностях станок-перфоратор, искореженный чудовищной силой взрыва и грузом обвала.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Была. (Смотрит на перфоратор.) Славкина. Двужилка, красная, вроде телефонного провода. На конце иголки припаяны, на другом выключатель. Козел.

ПОЛСТЯНКИН. Кончай!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Молчи. Это завтра на поминках мы скажем, какой он был верный друг и незабвенный товарищ. Славка Голубев. Сучонок, белой «Волги» ему не хватало!

ПОЛСТЯНКИН. Кончай ты! Знаешь же!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Все знаю. Разберемся. Нам теперь во многом разбираться придется! (Смотрит на перфоратор.) И Степаныч, валенок шелудивый! Что бы этой двужилкой – да по морде ему! Мерин! Молчи, Виталька! Завтра скажем, какой он был примерный семьянин и безотказный товарищ. Пень трухлявый! Наплодил четверых, так живи, молись на технику безопасности! (Пауза.) Все. Помянули. Беги, Виталька, в оба гляди. Если они найдут – совсем плохо.

Полстянкин уходит. Разборка завала продолжается. Из забоя появляются ВЕНГЕРОВ, ДРОЗДОВ и пожилой взрывник по прозвищу СТАРИК ЗНОБИШИН.

ДРОЗДОВ. Вот здесь они должны были укрыться. Сорок метров, поворот, вполне безопасно.

СТАРИК ЗНОБИШИН. А ближе и негде. Туточки я как раз свою динамку поставил, сходил пост глянуть, того иду назад – как он жахнет!

ВЕНГЕРОВ (в сторону забоя). Юрий Иванович!

КЛИМОВ. Иду... зацепился тут... (Подходит, вытаскивая тонкий красный провод.)

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (негромко). Длинный, живо! Нож есть?

ПЕТУХОВ. Понял. (Выключает лампу на каске, исчезает в забое.)

Провод в руках Климова обвисает.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (предупредительно). Оборвался. Давайте смотаю.

КЛИМОВ. Не беспокойтесь, мне не трудно.

ВЕНГЕРОВ. Отметьте, Юрий Иванович: взрывник находился здесь. Говорит, проверял пост охранения.

КЛИМОВ. Это входит в обязанности взрывника?

СТАРИК ЗНОБИШИН. А чего ж не помочь ребятам? Пока они станок прибирают. Не сидеть же сложимши руки на животе. (Бригадиру.) Так я говорю?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Нашу бригаду всегда отличал дух коллективизма и товарищеской взаимопомощи.

КЛИМОВ. Вот как? Очень приятно.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Так про нас в газете писали. И про Славку. Про Голубева. Фантазер. Был. Беспокойный характер...

КЛИМОВ (закончил сматывать провод, неожиданно уколовшись). Черт!.. Иголочка... припаяна. Что это такое?

СТАРИК ЗНОБИШИН. Где? А! Узявка это.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (поспешно). Это местное слово. Означает – веревочка, маленькие что-то. Узявка, в общем.

КЛИМОВ. А иголочка зачем?

СТАРИК ЗНОБИШИН. Да это – чтоб в случае чего...

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Иголочка? (Взял провод.) В самом деле. Я же говорю, Славки это. Голубева. Фантазер был. Вечно у него в карманах проводки всякие. Просто так, наверное. К примеру, если Старик Знобишин начнет задремывать... (Колет взрывника.)

СТАРИК ЗНОБИШИН. Тю на тебя! Сдурел?

ДРОЗДОВ. Бригадир, что за шутки?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (пряча провод за спину). Извините, на нервной почве. С этой разборкой завала третью смену на-гора не выходим.

ДРОЗДОВ. Немного осталось. Завтра отдохнете.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Хоронить товарищей – это, по-вашему, отдых?

Появляется ШМЕЛЕВ. Ему лет тридцать пять – тридцать семь, как Климову и Дроздову. Щеголеват даже в спецовке. Скромнен до наглости.

ШМЕЛЕВ (Венгерову). Владимир Андреевич. (Климову.) Юрий Иванович. (Дроздову.) Анатолий Сергеевич. Взрывать подано.

ДРОЗДОВ (хмуро). Горный инженер Шмелев хочет сказать, что для испытания взрывателей всё готово.

КЛИМОВ. Что всё?

ШМЕЛЕВ (тоном рапорта). Взрыватели отобраны на складе, заложены в мелкие шпурсы. Остается нажать кнопку. Это рядом. Прошу!

ВЕНГЕРОВ. Вообще-то все это – функция экспертизы.

ШМЕЛЕВ. Товарищи нам не доверяют?

ДРОЗДОВ. Это я распорядился подготовить испытания. Каждый лишний час простоя...

ВЕНГЕРОВ. Что ж, пойдёмте.

КЛИМОВ (бригадиру). Провод – к остальному. (Уходит за Венгеровым и Дроздовым.)

ШМЕЛЕВ. Провод? (Смотрит на «узявку» в руках бригадира.) Раззявы! (Уходит.)

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Ну, Знобишин! «Узявка»! Черт тебя за язык тянул! (Бросает провод к перфоратору и другому оборудованию, извлеченному из завала).

Со стороны главного ствола доносится негромкая серия сбивчивых хлопков-взрывов. За ней – вторая.

СТАРИК ЗНОБИШИН (считает сбой). Отказ... Еще два... И еще... Я же говорил – на взрыватели спишут!..

Убедившись, что чужих нет, к бригадиру подходит Петухов, протягивает разбитый выключатель с обрывком красного провода.)

ПЕТУХОВ. За вагонеткой был.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (разбирает осколки пластмассы). Так и есть – замкнуто. Вот и вся экспертиза. (Заворачивает выключатель в платок, прячет в карман.)

Из забоя медленно выходит Полстянкин, молча кладет в световой круг от переноски две разможенные горняцкие каски. Полная тишина. В самой сути ее таятся ритмы траурной музыки...

II

И вот уже похоронный марш звучит во всю силу оркестра.

Многолюдная траурная процессия движется по главной улице города. Из окна гостиницы за ней наблюдают ВЕНГЕРОВ и ЗОЯ. Они только что вошли, оба в плащах.

В номере то пасмурно, то солнечно от быстрого движения низких снеговых облаков. Это трехместный люкс, дорогой, старомодный, с нишей-альковом за тяжелыми задернутыми портьерами, со спальней за дверью с матовыми стеклами. В просторной гостиной повсюду бумаги, канцелярская пишущая машинка на столе.

Музыка за окном, удаляясь, слабеет, потом смолкает.

ЗОЯ. Какая тяжелая в этом году весна!

ВЕНГЕРОВ. Давайте работать. (Снял плащ, помог раздеться Зое.) На чем мы остановились?

ЗОЯ (садится за машинку). «Перечень оборудования, обнаруженного при разборке завала». Здесь зачеркнуто: «Провод двужильный, красный, неизвестного назначения». Это не нужно?

ВЕНГЕРОВ. Предмет неизвестного назначения в акте экспертизы – нонсенс... (Заглянул в спальню.) Странно. Я думал, Юрий Иванович спит. Номер не заперт...

ЗОЯ. Спит? Уже двенадцать.

ВЕНГЕРОВ. Он вернулся с рудника только под утро. (Прошел в прихожую.) Плащ здесь. Даже два. Ничего не понимаю.

ЗОЯ. Может, спустился в буфет?

ВЕНГЕРОВ. Не будем терять времени. (Диктует.) «Таким образом, все материалы расследования неопровержимо доказывают, что взрыв в первом забое рудника «Маяк»...

Зоя печатает.

«...в результате которого погибли горнорабочие Голубев и Степанов...» Поставьте инициалы.

Зоя печатает.

«...явился прямым следствием некондиционности взрывателей Д-35...»

Одна из портьер, закрывавших нишу-альков, неожиданно откидывается.

ПРИЕЗЖИЙ (он полуодет, чем-то ошеломлен). Кто погиб? Какую фамилию вы сейчас назвали?

Зоя испуганно оглядывается.

ВЕНГЕРОВ. Что это значит? Вы кто?

ПРИЕЗЖИЙ. Фамилию! Повторите фамилию!

ВЕНГЕРОВ (сбит с толку). Степанов.

ПРИЕЗЖИЙ. Другую, первую!

ВЕНГЕРОВ. Голубев.

ПРИЕЗЖИЙ. Славка?!

ЗОЯ. Эс А – Станислав.

ПРИЕЗЖИЙ. Когда это произошло? Ну, взрыв!

ВЕНГЕРОВ. В пятницу, в три пятнадцать по местному времени. У вас есть еще вопросы?

ПРИЕЗЖИЙ. Не совпадает... А когда стало известно в городе – всем?

ВЕНГЕРОВ. Полагаю, наутро.

ПРИЕЗЖИЙ. Совпадает!.. Вы верите в необъяснимое?

ВЕНГЕРОВ. Начинаю. Как вы здесь оказались?

ПРИЕЗЖИЙ (думая о своем). Сел в самолет, прилетел.

ВЕНГЕРОВ. И приземлились прямо в этот альков?

ПРИЕЗЖИЙ. В этот что? А, да нет, полночи в холле болтался.

В отдалении вновь возникают звуки траурной музыки.

ПРИЕЗЖИЙ. Значит, это их хоронят... (Спохватившись.) Извините. (Задержнул портьеру.)

ВЕНГЕРОВ (подошел к телефону, набрал номер). Дежурная? Зайдите в двадцатый номер... Да, в министерский!..

ПРИЕЗЖИЙ (с полотенцем на шее). Извините. (Проходит в ванную.)

Одновременно в номере появляется ДЕЖУРНАЯ. Ей лет двадцать пять, модно одета, держится независимо.

ВЕНГЕРОВ. Что означает здесь данный товарищ?

ДЕЖУРНАЯ. Умываться пошел. А что?.. Что вы на меня так смотрите? Вселили и живет.

ВЕНГЕРОВ. Вселили – кто?

ДЕЖУРНАЯ. Администратор, кто! Я, что ли? Ваш же товарищ и приказали. Товарищ Климов. Я еще говорю: давайте раскладушку в коридоре пристрою, а он как раскричится!

ЗОЯ. Климов раскричался? Вы ничего не путаете?

ДЕЖУРНАЯ. Ну, не криком – спали же все, ночь. Вежливо, а сам аж позеленел. Мне, говорит, ваша предупредительность – во! (Показала на горло.) Извольте выполнять. А нам что? Нам велено вас слушаться. Этого мы вообще не хотели селить, не комбинатский он и вообще без командировки... Так что теперь?

ВЕНГЕРОВ. Понятия не имею!

Из ванной выходит Приезжий.

ДЕЖУРНАЯ. Гражданин, собирайтесь, выселяем вас.

ПРИЕЗЖИЙ. Между прочим, я заплатил за сутки вперед. Восемь сорок. Показать квитанцию?

ВЕНГЕРОВ. Аргумент! Придется испросить вмешательства высших сил! (Вышел.)

ПРИЕЗЖИЙ. Министерский, значит, номер. То-то, я смотрю, дорого. А он министр?

ЗОЯ. Не совсем.

ПРИЕЗЖИЙ. Но немного все-таки есть?

ЗОЯ. Заместитель начальника главка.

ПРИЕЗЖИЙ (подумав). Придется выметаться. (Собирает вещи.)

ВЕНГЕРОВ (вернулся с полдороги, раздражен, ироничен). Если товарищ Климов изволили отдать это распоряжение, пусть сами и отменяют. (Приезжему.) Можете не спешить.

ПРИЕЗЖИЙ. Извините. (Взял плащ, вышел.)

ВЕНГЕРОВ (Дежурной). У меня к вам огромная просьба: никого сюда не пускать. У нас очень срочная работа.

Дежурная уходит.

ВЕНГЕРОВ (диктует). «Как следует из документов, указанная партия взрывателей Д-35 хранилась в наружном складе рудника при температуре, доходившей до минус сорок восьми градусов Цельсия...»

Зоя печатает.

ДЕЖУРНАЯ (появляется на пороге). К вам человек. Из простых, с трубой. Говорит, к товарищу Климову.

ВЕНГЕРОВ. Ну, раз к самому товарищу Климову!.. Пусть войдет... человек с трубой.

Входит СТАРИК ЗНОБИШИН. Одет парадно, чем-то обеспокоен. В руках сверкающий бас-геликон.

СТАРИК ЗНОБИШИН. Диспетчер передал – потребен срочно.

ВЕНГЕРОВ. Присаживайтесь. Товарищ Климов задерживается. Похороны, как я понимаю, закончились?

СТАРИК ЗНОБИШИН. Ну! Я прям бегом. (Беспокойно прислушивается.) Не палят, а?

ВЕНГЕРОВ. То есть, не взрывают? Работы в первом забое прекращены, пока не будет подписан акт экспертизы.

СТАРИК ЗНОБИШИН. То в первом, ясное дело. На втором не палят. И на третьем. Нигде!

Стук в дверь.

ВЕНГЕРОВ. Кажется, нам сегодня дадут поработать! Войдите!

На пороге появляется ГАНШИН. Ему около сорока, внешне зауряден, с портфелем. Дежурная преграждает ему дорогу.

ДЕЖУРНАЯ. Туда нельзя, гражданин!

ГАНШИН. Мне разрешили войти.

ДЕЖУРНАЯ. А я вам говорю – нельзя!

ГАНШИН. Вы назвали меня гражданином, а сами лишаете простейшего права воспользоваться приглашением. Нелогично, девушка!

ДЕЖУРНАЯ. «Право», «право»! Тоже мне прокурор. Закройте дверь!

ЗОЯ. А это и есть прокурор. Входите, Вячеслав Николаевич.

ДЕЖУРНАЯ. Прокурор?

ГАНШИН. Прокурор.

ДЕЖУРНАЯ. Ой! (Исчезает.)

ГАНШИН. Я хотел бы видеть товарища Климова.

ВЕНГЕРОВ. Я не могу его заменить?

ГАНШИН. Он вам ничего не передавал?

ВЕНГЕРОВ. Нет.

ГАНШИН. Тогда я, если позволите, подожду.

СТАРИК ЗНОБИШИН. За мной будете.

ВЕНГЕРОВ (Зое). Давайте заканчивать. (Диктует.) Повышение температуры взрывателей до плюс восемнадцати градусов в подземном складе рудника...»

Зоя печатает.

ВЕНГЕРОВ. «...вызвало необратимые изменения в составе гремучей смеси... что и явилось конкретной причиной взрыва». Точка.

Короткий стук в дверь. Появляется ШМЕЛЕВ.

ШМЕЛЕВ. Анатолий Сергеевич Дроздов и сопровождающие его лица.

ДРОЗДОВ (входит). Добрый день. (Подозрительно смотрит на Шмелева.)

ВЕНГЕРОВ. Где же сопровождающие его лица?

ШМЕЛЕВ. К вашим услугам. Инженер Шмелев.

ВЕНГЕРОВ. Шмелев... знакомая фамилия.

ДРОЗДОВ. Мой заместитель. Бывший. Приказом министра понижен в должности за похищение из Мурманского порта шведского горного оборудования на семнадцать миллионов рублей золотом.

ВЕНГЕРОВ. А, помню. Того, что было расписано «Печенганикелю». Оборудование, конечно, не вернули?

ДРОЗДОВ. Не успели, навигация кончилась. Но оплатили сразу же, до копейки.

ВЕНГЕРОВ. Значит, вы и есть тот самый Шмелев? Лихо вы ту комбинацию провернули.

СТАРИК ЗНОБИШИН. Обрато не палят! (Дроздову.) Не палят? Или я уже совсем оглохший?

ДРОЗДОВ. С одиннадцати ноль-ноль проходка прекращена во всех забоях. (Передает Венгерову большой коричневый конверт.) Юрий Иванович заказал срочные анализы. Прошу извинить за вторжение.

(Ганшину.) Мне сказали, что вы здесь.

ГАНШИН. Я всегда говорю, куда ухожу.

ДРОЗДОВ. Без четверти одиннадцать диспетчер «Маяка» принял вашу телефонограмму с запрещением использовать взрыватели Д-35.

ГАНШИН. Это не означало запрещения проходки.

ДРОЗДОВ. Означало. Взрывателями других типов мы давно не пользуемся. Их нет.

ГАНШИН. Как я понял из телефонного звонка эксперта Климова, Д-35 показали при испытаниях большой процент отказов и неустойчивую детонацию. Я счел своим долгом принять меры.

ДРОЗДОВ. Разве акт экспертизы уже подписан?

ВЕНГЕРОВ. Нет. Пока все это – личная инициатива эксперта Климова.

Не замеченный присутствующими, в номере появляется КЛИМОВ. Он в шинели с майорскими погонами, в фуражке с черным околышем. Некоторое время молча стоит в прихожей, неприязненно наблюдая за происходящим, затем начинает медленно раздеваться.

ДРОЗДОВ. Вячеслав Николаевич, действия прокуратуры не могут основываться на личном мнении одного эксперта. Я даю приказ продолжить проходку. (Идет к телефону.)

ГАНШИН. У вас есть мое предписание. Как с ним поступить – ваше дело. Вы уверены, что до того момента, когда акт будет подписан, ничего не случится?

ДРОЗДОВ. Это первый случай с начала проходки!

ГАНШИН. И последний? Тогда звоните. Но если случится... Анатолий Сергеевич, я даю вам честное слово коммуниста, что добьюсь для вас обвинительного приговора по всей строгости закона. И приказ, который вы сейчас хотите отдать, будет отягощающим вину обстоятельством.

ДРОЗДОВ (в трубку). Диспетчерскую «Маяка»!

ЗОЯ (предостерегающе). Анатолий!

ШМЕЛЕВ. Она права.

ДРОЗДОВ. У нас нет времени. Если мы не возобновим проходку, через три часа плавильные цеха останутся без руды. А к вечеру остановится весь комбинат!.. Алло, «Маяк»?..

Зоя решительно нажимает на рычаги аппарата.

КЛИМОВ (входит в гостиную). Добрый день.

ВЕНГЕРОВ. Юрий Иванович, мы все очень рады вас видеть.

КЛИМОВ. Я был на похоронах... (Остановился у машинки, просматривает текст.) Испорчена страница... И эта... (Венгерову.) Вот даже как? Два человека погибли – и никто не виноват?... (Идет в спальню. С порога, Дроздову.) Знаешь, о чем говорят в городе? О том, кому теперь достанется белая «Волга»!.. (Вышел.)

Пауза.

ВЕНГЕРОВ. Так вы, оказывается, знакомы?

ДРОЗДОВ (неохотно). Мы вместе жили, снимали комнату на Арбате. На троих дешево. Он учился в «менделеевке», мы со Шмелевым в Горном. (Зое.) Оставь в покое телефон, его никто у тебя не отнимает.

ШМЕЛЕВ. А будущие педагогини в порядке шефства следили, чтобы наша коммуна не заросла грязью. (Показывает на Дроздова и Зою.) И вот к чему это привело!

ВЕНГЕРОВ. В «менделеевке»? Как же он стал военным?

ДРОЗДОВ. После защиты дипломов нас вызвали в военкомат и предложили идти в технические войска. Он согласился. Вернее, сначала отказался, а потом неожиданно согласился.

ВЕНГЕРОВ. Необычная встреча! Теперь мне понятно, почему Юрий Иванович сразу согласился на предложение нашего министерства принять участие в экспертизе.

ДРОЗДОВ. Он знал... что к чему?

ВЕНГЕРОВ. Только город. С обстоятельствами дела я познакомил его уже в самолете. (Зое.) Отступ побольше. Подписи... В чем дело, Зоя Михайловна?

ЗОЯ. Мне не трудно будет перепечатать страницы. Но... не лучше ли сначала согласовать все выводы с ним? (Кивнула на дверь спальни.)

ВЕНГЕРОВ (сухо). Я очень благодарен вам, Зоя Михайловна, что вы согласились нам помочь. Но эти вопросы позвольте уж решать мне.

ЗОЯ. Извините. Диктуйте.

ВЕНГЕРОВ. Подписи: «Председатель комиссии Венгеров...»

Зоя печатает.

ВЕНГЕРОВ. «Технический эксперт, кандидат химических наук Климов».

Входит Климов.

III

Минут через двадцать. Там же. КЛИМОВ в кителе, наброшенном на плечи. Разговор идет в напряженном ритме допроса.

КЛИМОВ (взрывнику). Значит, вы провели отпалку во втором забое и перешли в первый. Что вы делали? По порядку, пожалуйста.

СТАРИК ЗНОБИШИН. Ну, проверил шпуры... зарядил...

КЛИМОВ. Сколько в ту смену было отпалок?

ДРОЗДОВ. Шесть.

СТАРИК ЗНОБИШИН. Сходил пост глянуть... токо иду назад...

КЛИМОВ. Могли горнорабочие Голубев и Степанов зарядить шпуры без вас?

СТАРИК ЗНОБИШИН. А чего ж, ребята опытные были. (Спохватившись.) Но то не положено.

КЛИМОВ. Каким образом горнорабочие Голубев и Степанов могли произвести отпалку без вас и вашей динамки?

СТАРИК ЗНОБИШИН. То не положено.

ГАНШИН. Юрий Иванович, разрешите мне вам помочь? (Подсаживается к столу, достает из портфеля бланк. Взрывнику.) Вы допрашиваетесь в качестве свидетеля в рамках уголовного дела, возбужденного по факту взрыва на руднике «Маяк». Предупреждаю, что за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний вы можете быть привлечены к ответственности по статьям 181 и 182 Уголовного кодекса. Распишитесь, что получили предупреждение.

Взрывник расписывается.

ГАНШИН (уступая место Климову). Задавайте вопросы.

ШМЕЛЕВ. Какой оригинальный способ вести беседу! Невольно располагает к откровенности!

КЛИМОВ (приносит из спальни моток провода, похожий на тот, что был обнаружен в забое. Взрывнику.) Что это такое?

СТАРИК ЗНОБИШИН. Узявка.

КЛИМОВ. Для чего она предназначена?

СТАРИК ЗНОБИШИН. Меня это не касается.

ГАНШИН. Разъясняю, что статьи 181 и 182 предусматривают наказание в виде одного года, а в некоторых случаях до семи лет лишения свободы.

СТАРИК ЗНОБИШИН. А вы, гражданин-товарищ, меня не пугайте. Я таких прокуроров видывал – врагу не пожелаю!

Пауза.

ВЕНГЕРОВ. С какого года вы в этом городе?

СТАРИК ЗНОБИШИН. А вы, Владимир Андреич, меня не признали? Ну, оркестр вы велели организовать в три дня! Вы токо директором комбината стали, и сразу выпало молодежь встречать. Помните?

ВЕНГЕРОВ. Теперь вспомнил.

СТАРИК ЗНОБИШИН. Я и говорю, оркестр был – такой не забудешь. Две балалайки, баян и я на басу! Зато уж когда обелиск открывали, энтот (кивнул на окно), «Первым», тогда уж чин-чинарем, сорок штук медного инструмента! Как ахнули! «Комсомольцы, беспокойные сердца»! Ух!

КЛИМОВ. Вы сейчас через площадь пойдете, мимо обелиска?

СТАРИК ЗНОБИШИН. Ну! Трубу надо в клуб занести да на поминки.

КЛИМОВ. Можете быть свободны.

СТАРИК ЗНОБИШИН (Дроздову.) Ваш черед. (Взял трубу, ушел.)

КЛИМОВ (подошел к окну, Венгеру). От подъезда гостиницы до обелиска примерно сто метров. У вас часы с секундной стрелкой? Засекайте время. Вышел...спешит... (Зое.) Что значит эта надпись на обелиске – «Первым»? Первым – кому?

ЗОЯ. Комсомольцам-строителям. Десять тысяч тогда приехало из Москвы.

ВЕНГЕРОВ. Не только.

ЗОЯ. Да, и геологам – первооткрывателям руды на «Маяке».

ВЕНГЕРОВ. К лицу ли учительнице истории такая узость взгляда?

ЗОЯ. Кому же еще?

ВЕНГЕРОВ. Самым первым.

ЗОЯ. Таким, как этот взрывник?

ВЕНГЕРОВ. И таким, как ваш покорный слуга.

Пауза. Климов, не открываясь, смотрит в окно.

ЗОЯ. Как тебе наш город?

КЛИМОВ. Сейчас скажу... (Венгеру.) Стоп. Поравнялся с обелиском. Сколько прошло?

ВЕНГЕРОВ. Минута десять.

КЛИМОВ. Примерно пять километров в час. По руднику он ходит медленнее. Но даже если быстрее... (Зое.) Поразительный у вас город! Все врут! Проходчики, бригадир проходчиков, взрывник! (Венгеру.) В ту смену до первого забоя он даже дойти не успел, а не то чтобы укладывать взрывчатку!.. Врет начальник строительства, врет горный инженер...

ШМЕЛЕВ. Когда это я успел?

КЛИМОВ (показывает «узявку»). Что это такое?

ШМЕЛЕВ. Понятия не имею.

КЛИМОВ. Достаточно?

ВЕНГЕРОВ. А в самом деле, что это?

КЛИМОВ. Вы действительно не знаете? Даже не догадываетесь? Хорошо, объясню. Это самодельное приспособление, с помощью которого горнорабочие сами, без взрывника, могут производить отпалку. Эту «узявку» я обнаружил в раздевалке рудника. При желании таких «узявок» можно найти немало. Как видите, это почти точная копия провода неизвестного назначения, который вы исключили из описи!.. Поразительное единодушие! Похоже, во всем городе только один человек не врут. Да и тот пожелал остаться неизвестным! (Передает Ганшину конверт.)

ГАНШИН (читая письмо). Два.

КЛИМОВ. Кто еще?

ГАНШИН. Я.

КЛИМОВ. Правильно, прокурор тоже не врет. Но, может быть, потому что молчит?

ГАНШИН. Чтобы прокурор заговорил, ему нужны документально подтвержденные факты. Этого маловато. (Возвращает Климову письмо.)

ВЕНГЕРОВ. Вам, Юрий Иванович, они тоже не помешали бы.

КЛИМОВ. Я их получу. И немедленно. (Дроздову.) Слушаю.

ДРОЗДОВ. Подтвердите нашему уважаемому прокурору, что речь шла не вообще о взрывателях Д-35, а лишь об одной партии.

КЛИМОВ. Подтверждаю. Но что это меняет? Если оказалась перемороженной одна партия, почему этого не могли произойти с остальными?

ГАНШИН. Предписание остается в силе.

Пауза.

ЗОЯ (вдруг). Послушайте! Что здесь происходит?

КЛИМОВ. Я жду.

ДРОЗДОВ. Ладно, скажу. Произошла ошибка. Взрыватели для испытаний были взяты из списанной партии, пятилетней давности.

ШМЕЛЕВ. Ты с ума сошел! С чего ты это взял?

ДРОЗДОВ. У нас нет уже ни минуты времени!

ВЕНГЕРОВ. У вашей ошибки может быть и другое название.

ДРОЗДОВ. Согласен. Если это ускорит дело, могу добавить, что по моему личному указанию инженер Шмелев инсценировал испытания взрывателей.

ШМЕЛЕВ. Категорически протестую! Анатолий Сергеевич решил оговорить себя, а заодно и меня, чтобы получить возможность немедленно возобновить проходку.

ГАНШИН. Инженер Шмелев, вы привлекаетесь к расследованию несчастного случая на руднике «Маяк». Предупреждаю вас...

ШМЕЛЕВ. Я уже слышал эту формулу.

ГАНШИН. У меня сложилось впечатление, что кое-кто склонен расценивать все происходящее не слишком серьезно. Смею заверить всех присутствующих, что для прокуратуры этого города две смерти в мирное время – это очень серьезно. Более чем серьезно!

Стук в дверь.

ДЕЖУРНАЯ. К вам пришли.

Входит СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ее поддерживают под руки СТЕПАНОВ-МЛАДШИЙ и ВЕРА Голубева.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Здравствуйте, люди добрые. (Венгеру.) С приездом, Владимир Андреич. На поминки вас просим, не откажите. Вы для нас много сделали, квартиру дали, когда все, почитай, в бараках жили. Степанов мой, царство ему небесное, всегда говорил: чего бы про Венгерова ни мололи, а он город построил. А это сын мой, студент, вон какой вымахал! (Дроздову.) И вас просим, Анатолий Сергеич. (Шмелеву.) И тебя, Гена, ждем. Мы с Верой вместе устраиваем, у нас. У нее-то гостиного типа, смех и грех: два гостя за стол, а третьего хоть на толчок сади!.. И вас, Зоя Михайловна, просим. Недаром вы моего балбеса учили, студент теперь, горным инженером будет. Так Степаныч и не повидал его студентом. А радый был, такой радый!

СТЕПАНОВ-МЛАДШИЙ. Да ладно тебе, мать! Студент не студент! Пошли, гости ждут.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Идем, сын, идем. (Ганшину.) И вас просим, помянем наших кормильцев.

ВЕРА. Софья Ивановна, это же прокурор.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. И прокурор человек, Веруня. Не от бандита же твой Славка пал и Степаныч мой, хрен старый. (Климову.) И вас, военный товарищ, просим. И то, не от пули и бомбы наши погибли. А это мой старший, студент, на первом курсе в Москве учится, вон какой вымахал нескладеха! Так уважьте нас, добрые люди. Горе у нас, такое горе!..

Вера и Степанов-младший уводят Софью Ивановну.

Пауза.

ГАНШИН (Шмелеву). Распишитесь, что получили предупреждение.

Шмелев ставит подпись.

ГАНЩИН. Юрий Иванович, пожалуйста.

КЛИМОВ (помедлив). Как отбирались взрыватели для испытаний?

ШМЕЛЕВ (тоном рапорта). Заряды для испытаний взрывателей были отобраны в полном соответствии с инструкцией по проведению испытаний взрывателей.

КЛИМОВ (Ганшину). Спасибо за помощь, но это место не для меня.

(Дроздову.) Сейчас поедем. Машина внизу?

ДРОЗДОВ. Поедем? Куда?

КЛИМОВ. На рудник. Повторим испытания. (Ганшину.) О результатах я вам сразу же сообщу. (Направляется в спальню. Заметил коричневый конверт с анализами. Задержался, просматривает.)

ШМЕЛЕВ. Я пока могу быть свободен?

ГАНШИН. Один вопрос. Давал ли вам начальник строительства какие-либо указания по подготовке испытаний взрывателей и какие именно?

ДРОЗДОВ. Нет, не давал! Я сам все подготовил. Не вступая со Шмелевым в преступный сговор. Так это, кажется, называется?

ГАНШИН. Вас я пока не допрашиваю. Свидетель Шмелев?

ШМЕЛЕВ. Не давал.

ГАНШИН. Подпишите свои показания.

ШМЕЛЕВ. Пожалуйста! (Расписывается.)

ДРОЗДОВ (помогая Зое одеться). Извинись за меня. Если успею, приеду. Я тебя подвезу.

ВЕНГЕРОВ. И меня, пожалуй.

ДРОЗДОВ. Вы решили пойти на поминки?

ВЕНГЕРОВ. Представьте себе, решил. (Одевается.)

Входит ПРИЕЗЖИЙ. Снимает плащ.

ДРОЗДОВ. Вы к кому?

ПРИЕЗЖИЙ. К себе. Я тут живу. (Венгеру.) Или уже нет?

ВЕНГЕРОВ. Я понимаю, Юрий Иванович, не очень демократично заставлять человека ночевать в коридоре на раскладушке. Но вряд ли наша работа рассчитана на огласку.

КЛИМОВ (резко). Разве участием Зои Михайловны это правило не отменено? Или вы взяли с нею подписку, что она не будет делиться услышанным с мужем? (Бросил конверт с анализами на стол, прошел в спальню.)

ВЕНГЕРОВ (Приезжему). Вам повезло. Живите.

ПРИЕЗЖИЙ. Извините. (Скрылся в алькове.)

Из спальни выходит Климов, надевает шинель.

КЛИМОВ. Владимир Андреевич, чем вызван этот порядок – остановка работ в забое до подписания акта?

ВЕНГЕРОВ. Предполагается, что по ходу экспертизы может понадобиться дополнительный осмотр места происшествия.

КЛИМОВ. Я осмотрю забой еще раз. Если с взрывателями все в порядке, можем мы разрешить проходку?

ВЕНГЕРОВ. На вашу ответственность. Что ж, едем?

ГАНШИН. Я задержу Юрия Ивановича всего на одну минуту.

Венгеров, Зоя, Дроздов и Шмелев уходят.

ГАНШИН. Покажите еще раз письмо. Когда вы его получили?

КЛИМОВ. Я обнаружил его в кармане шинели сегодня утром. Положили, вероятно, в раздевалке на руднике. Я сразу позвонил вам, у меня уже были догадки, что нам морочат голову.

ГАНШИН (читает). «Прикиньте, с какой скоростью должен бегать взрывник, чтобы провести все отпалки, и вам станет ясно, что проходчики сами укладывали взрывчатку и производили отпалки, чтобы не тратить время на ожидание взрывника. Вопиющие нарушения техники безопасности самими погибшими – это и есть причина взрыва. А насчет взрывателей или что еще вам будут подсовывать – все это липа...» Подтверждается?

КЛИМОВ. Да. (Показал на коричневый конверт.) Вот еще одно доказательство. По анализам – типичное старение. Совершенно ясно, что взрыватели взяли из списанной партии.

ГАНШИН. Значит, Шмелев соврал?

КЛИМОВ. И глазом не моргнул. А ведь мы были очень дружны.

ГАНШИН. То, что он соврал вам, это, конечно, нехорошо. А вот что он соврал мне – это с его стороны не слишком благо разумно. Я бы даже сказал – опасно! (Прячет подписанный Шмелевым протокол в портфель.) Вам нужен автор письма?

КЛИМОВ. Он хорошо информирован. Но... Имеем ли мы право его искать?

ГАНШИН. Имеем.

КЛИМОВ. Нет. Верните письмо. Я не верю, что правду можно доказать лишь с помощью Уголовного кодекса.

ГАНШИН. Мне нравится ваша убежденность. (Возвращает конверт.) Передумаете – можете рассчитывать на мою помощь. А пока – один совет. Разрешив проходку, вы окажете хорошую услугу комбинату и городу и плохую – себе. Если вы действительно хотите разобраться в причинах взрыва.

КЛИМОВ. В причинах я уже разобрался. Мне нужны доказательства.

ГАНШИН. Я об этом и говорю. Вам будет легче получить их, пока забои простаивают. Как только вы разрешите проходку... Боюсь, после этого вряд ли вы услышите такие признания, как сегодня. Даже от друзей.

КЛИМОВ. Таких признаний я и не хочу слышать. Особенно от друзей.

ГАНШИН. Буду рад поздравить вас с успешным завершением дела. Пока же могу сказать, что мне очень интересно познакомиться с вами. (Представляясь.) Советник юстиции Ганшин.

КЛИМОВ. Инженер-майор Климов.

Обмениваются рукопожатием.

КЛИМОВ (задерживая руку прокурора). Почему все врут?

ГАНШИН. Все? Это сложный вопрос.

КЛИМОВ. Проходчики, бригадир, взрывник?

ГАНШИН. Это одна часть вопроса.

КЛИМОВ. Начальник строительства?

ГАНШИН. Это другая часть вопроса.

КЛИМОВ. Бывший директор комбината?

ГАНШИН. Вы имеете в виду Владимира Андреевича? Это третья часть вопроса.

КЛИМОВ (занимает «прокурорское» место). Советник юстиции Ганшин, вы привлекаетесь в качестве свидетеля...

ГАНШИН. Я предполагаю... всего лишь предполагаю, что одна из причин – пенсии вдовам. По существующему законодательству семьям погибших на производстве назначаются пенсии в определенных размерах. Если же человек погиб из-за нарушения им самим правил техники безопасности и это доказано, пенсии соответственно уменьшается.

КЛИМОВ. Намного?

ГАНШИН. Намного.

Из-за окна доносится автомобильный гудок.

ГАНШИН. Вас ждут.

Климов и Ганшин уходят. Некоторое время в гостиной никого нет. Потом из алькова появляется ПРИЕЗЖИЙ. Останавливается у окна, смотрит на главную улицу. Быстро темнеет. Приезжий подходит к телефону. Решившись, набирает номер.

ПРИЕЗЖИЙ. Квартира Степановых? Можно Веру Голубеву?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Я слушаю... Алло!.. Говорите же!.. Алло!.. Алло!.. Алло!..

IV

Поздний вечер того же дня. В гостиной горит настольная лампа. За пишущей машинкой КЛИМОВ. Сверяясь с записями, печатает, двумя пальцами, но довольно бойко. Стеклопанель двери спальни освещается, в гостиную выходит ВЕНГЕРОВ. Он в пижаме.

КЛИМОВ. Я вас разбудил? Извините. Я думал, вы еще на поминках... (Продолжая печатать.) Ну и как там было?

ВЕНГЕРОВ. О чем вы, собственно, хотите спросить? Было мне весело? Или интересно?.. Не пора ли нам, Юрий Иванович, объясниться?

КЛИМОВ. Секунду! (Допечатал фразу.) Можете прочитать.

ВЕНГЕРОВ. Да я и так представляю, что вы там написали.

КЛИМОВ. Правду о том, как и почему произошел взрыв.

ВЕНГЕРОВ. Все-таки вам следовало пойти на поминки... Четверо детей, старший студент, младший первоклассник... специальности никакой, а держалась вдова хорошо... Правду... А вы когда-нибудь задумывались, что это такое – правда?

КЛИМОВ. Знаете, Владимир Андреевич, лет пятнадцать назад я с удовольствием поговорил бы на эту тему. Что такое правда, как она соотносится со справедливостью, насколько справедлив или несправедлив существующий порядок пенсионного обеспечения. Армия научила меня видеть границы моих возможностей и обязанностей. Мне предписано принять участие в экспертизе. Я это сделал. Причины взрыва установлены, оформлены в виде акта – вот он. Прошу вас ознакомиться и поставить свою подпись.

ВЕНГЕРОВ. А если я не согласен с вашими выводами?

КЛИМОВ. Речь может идти лишь о том, есть ли у вас факты, опровергающие мои выводы.

ВЕНГЕРОВ. Вас, следовательно, не волнует, как ваши выводы скажутся на семьях погибших? На интересах дела, которым живет весь город? На судьбах ваших друзей?

КЛИМОВ. Очень волнует. Поэтому я не имею права вдаваться в рассуждения на общие темы.

ВЕНГЕРОВ. Хотел бы я знать, Юрий Иванович, что вы сейчас думаете обо мне! Особенно в свете моего намерения помешать вам выполнить свой долг.

КЛИМОВ (взял со стола конверт, извлек листок, читает). «Венгерову тоже не верьте, ему выгодно все замять. В свое время, став директором комбината, он добился постановления Совмина о строительстве города. Город строился, а рудная база истощалась. Настолько, что встал вопрос о консервации производства. Открытие богатой руды на «Маяке» дало ему возможность уйти на повышение, а нынешнее руководство комбината вынуждено расхлебывать то, что он заварил. Лихорадочная поспешность строительства рудника – она и способствовала несчастному случаю...»

ВЕНГЕРОВ. Поздравляю. Вот вы и нашли основного виновника. Можно взглянуть? (Взял листок, пробежал взглядом.) Вот, значит, как это выглядит со стороны!

КЛИМОВ. А на самом деле не так?

ВЕНГЕРОВ. Об этом я сейчас и думаю... Да нет, так... Сдавались дома, один за другим, а мы ночами считали, на сколько еще хватит руды – на год или больше? И, конечно же, «Маяк» был спасением...

КЛИМОВ. А зачем нужно было вообще начинать строительство города?

ВЕНГЕРОВ. А куда было селить молодежь? Десять тысяч приехало из Москвы в первый год. И по шесть-семь – в последующие. В бараки? В балки?.. И в конце концов: «Маяк» есть, руды на десятилетия... Соблазнительно, конечно, сказать сейчас, что я всегда верил в будущее этого края. Верил или не верил, а деньги на геологию отпускали, поиски всячески форсировали... Но я о другом. Весной у меня всегда бессонница. И вот лежал сейчас, думал. Как ни храбрись, а жизнь уже позади. И что в остатке? Да только и есть – этот вот город... Да, этот город, и больше нет ничего... Вас, надо полагать, такие мысли еще не одолевают?

КЛИМОВ. Извините, Владимир Андреевич, но сами-то вы согласны, что правда – в моем варианте акта?

ВЕНГЕРОВ. Возможно. Только какое это имеет значение?

КЛИМОВ. То есть? Если правда не будет вскрыта, все останется как было!

ВЕНГЕРОВ. А все и останется как было. Ну, нараздают «строгачей», снимут вашего друга Дроздова... А жаль, он дельный руководитель. И все вернется на круги своя. Потому что рудник нужно пустить как можно быстрее. И нет другого способа форсировать проходку, чем деньги. Большие деньги... Есть и моральный аспект. По традиции семьям погибшим улучшают жилищные условия, дают пособия. Но главное – пенсии. Это давняя, правильная традиция. Человек, который спускается под землю, должен быть уверен: если с ним что-нибудь случится, его семья не будет знать нужды.

КЛИМОВ. Да нет же! Наоборот! Человек, который спускается под землю, должен быть уверен, что с ним ничего не случится! Разве не так?

ВЕНГЕРОВ (подошел к столу, взял листок). «Так обстоят дела. Вы, похоже, порядочный человек, но правды вам не добиться. Так что не стоит тратить нервы. Подписывайте то, что вам подсунут, и возвращайтесь в Москву. Ваш доброжелатель...» По-моему, этот человек вас хорошо знает. Во всяком случае, он предугадал вашу реакцию. Или даже спровоцировал.

КЛИМОВ. Какова же она?

ВЕНГЕРОВ. Вы завелись. Кругом враги. Зажимают правду. Да никто ее не зажимает! Вам что важно: чтобы все знали правду или чтобы она была зафиксирована в этих бумажках? Так ее и так все знают. Погибших не вернуть. А людям здесь жить. И вся жизнь их связана с тем, как быстро рудник войдет в строй. Всё: жилье, транспорт, снабжение, соцкультбыт. Допустим, подпишу я ваш акт. И сразу проходка останется без людей...

ГОЛОС ПРИЕЗЖЕГО (из алькова). Фигня!

ВЕНГЕРОВ. Это вы сказали?

КЛИМОВ. Нет.

ПРИЕЗЖИЙ (появляется в гостиной). Это я сказал. Фигня, что проходка останется без людей. Они же там по штуке в месяц имеют!

ВЕНГЕРОВ. Будет меньше. Я про это и говорю.

ПРИЕЗЖИЙ. По восемь сотен? По шесть? Без разницы. Этим двоих похоронить не успели, а в городе уже шу-шу: на проходке два место освободилось.

ВЕНГЕРОВ. Люблю досужие разговоры! А вы сами – пошли бы?

ПРИЕЗЖИЙ. Кто меня возьмет!

ВЕНГЕРОВ. А вы представляете себе, что это за работа?

ПРИЕЗЖИЙ. Еще бы нет. Три года вкалывал. Там же, на «Маяке».

ВЕНГЕРОВ. Почему же ушли?

ПРИЕЗЖИЙ. Так получилось. (Климову.) Так что не берите в голову, на проходке народу не убудет. А заработки как упадут, так и поднимутся, сколько раз так бывало.

ВЕНГЕРОВ. Свидетельство в мою пользу. (Приезжему.) Судя по настроению моего коллеги, нам сосуществовать еще... некоторое время. А коли так, представьте хотя бы. И удовлетворите мое любопытство: что за мистика сопутствовала вашему появлению? В двух словах.

ПРИЕЗЖИЙ. В двух словах? А о себе вы тоже можете в двух словах? (Протягивает документы.) Вот паспорт, смотрите.

ВЕНГЕРОВ. Зачем мне ваш паспорт?

ПРИЕЗЖИЙ. Потому что вы из тех людей, который проще всего обманывать с помощью документов. Вот – трудовая...

ВЕНГЕРОВ. Что ж, поглядим... (Листает трудовую книжку.) «Электросила», слесарь-сборщик...» Рудник «Маяк», бурильщик пятого разряда...» В самом деле. «Уволен в связи с окончанием трудового договора...» Три года назад. А дальше... что это? «Мангышлак, водитель вездехода». «Принят – уволен». Полгода не проработал. «Камчатское пароходство, матрос». «Принят – уволен». «Астраханский рыбпром, моторист...» Пили, что ли?

ПРИЕЗЖИЙ. Вот, сберкнижку гляньте. Видите? Восемь тысяч шестьсот рублей!

ВЕНГЕРОВ. И что?

ПРИЕЗЖИЙ. Если бы пил, было бы у меня столько на книжке?

ВЕНГЕРОВ. Это убедительно свидетельствует о вашей благонадежности. Теперь я спокоен. (Возвращает документы.)

ПРИЕЗЖИЙ. Веселый вы человек. Всё – с усмешечкой. Так пошутите еще разок. Вас здесь все знают. Позвоните, чтобы меня взяли на проходку. Позарез нужно. Позвоните, что вам стоит!

ВЕНГЕРОВ. Интересно получается. Когда я прошу рассказать о себе, вы меня, как выражается моя дочь, отшиваете. И тут же – позвоните.

ПРИЕЗЖИЙ. Расскажу. Всё. Никому не рассказывал. Я из Ленинграда, слесарем на «Электросиле» работал. После армии женился. Сын. Жили плохо, денег мало, квартиры нет. Завербовался сюда. Чтобы было всё. Приехал, познакомился с девушкой. Предложил: давай вместе. Ты одна, я один. Честно сказал: через три года уеду, к семье. Согласилась: давай. И три года жили. Понимаете? Считал, нормально. Пришел срок, уехал. Она проводила, слова не сказала. Вернулся домой, купил кооператив. Всё как хотел. А что-то – не то. Однажды позвонил сюда: вернусь, примешь? Нет. Вышла замуж. За одного тут, он возле нее еще до меня крутился. Ну, нет так нет. Даже лучше, совесть спокойна. И вдруг всё – под откос. Семья, дом. Пил, просыпался. Куда-то ехал, летел. Куда? Зачем? И однажды, в пятницу утром, будто кто сердце в кулак сжал: нужно – сюда. Ни секунды не медля. Как билет достал, как летел – не помню. И только тут услышал про взрыв. Вы говорите – мистика. А нет? Она же только в пятницу утром узнала, что муж погиб!

ВЕНГЕРОВ. А муж – кто?

ПРИЕЗЖИЙ. Разве я не сказал? Славка Голубев!

Пауза.

КЛИМОВ. Вы ее видели?

ПРИЕЗЖИЙ. Нет. Боюсь. Сначала нужно отмыться. Понимаете? Изнутри. И денег зарабатывать. А это быстрее всего на проходке.

КЛИМОВ. У вас же есть деньги.

ПРИЕЗЖИЙ. Эти? (Показал сберкнижку.) Туфта. (Венгеру.) Извините. Сам написал. Для Астрахани восемь тысяч нормально. А на Камчатке можно и двадцать пять написать. На милицию действует. И на некоторых особ прекрасного пола.

ВЕНГЕРОВ (подошел к столу, написал несколько слов, отдал записку Приезжему.) Отнесите начальнику отдела кадров.

ПРИЕЗЖИЙ. Спасибо.

ВЕНГЕРОВ. Не за что. (Климову.) Я вижу, мои аргументы не произвели на вас впечатления?

КЛИМОВ. Нет. Я вынужден настаивать, чтобы вы подписали мой вариант акта. Или же предоставили факты, опровергающие его.

ВЕНГЕРОВ. Факты... (Перечитал акт.) А у вас они есть? Вы пишете: «обрывок самодельного приспособления». А если этот провод случайно оказался в завале? Где остальная часть?

КЛИМОВ. У рабочих. Потеряться не могла, мы осмотрели каждый камень.

ВЕНГЕРОВ. У рабочих? Так возьмите! И приобщите к доказательствам. Не сомневаюсь, что они охотно вам его отдадут. Ведь вы стоите на страже их интересов! Вот тогда вы будете вправе требовать, чтобы я подписал акт. Только сделайте это быстрее...

Вдалеке, еще слышный, раздается тяжелый взрыв.

ВЕНГЕРОВ. Что это? (Звонит.) Диспетчерскую «Маяка»!.. Алло, в каком забое возобновили проходку?.. Во всех?.. Понятно. (Положил трубку.) Говорят, работа возобновлена с вашего разрешения.

КЛИМОВ. Вы против?

ВЕНГЕРОВ. Наоборот. Это снимает фактор времени. Можете не спешить!.. (Ушел.)

Свет в спальне погас. Климов убирает со стола бумаги. Приезжий перечитывает записку.

КЛИМОВ. Что он написал?

ПРИЕЗЖИЙ. Вот я и думаю... (Читает.) «Оформите подателя сего на проходку. С немедленным предоставлением общежития. Сукин сын, но работать будет. Венгеров».

КЛИМОВ. Пойдете?

ПРИЕЗЖИЙ. А куда деться?

КЛИМОВ. Но это же унижительно!

ПРИЕЗЖИЙ. Зато верняк.

КЛИМОВ. Кажется, я чего-то не понимаю. Ложь – зато выгодно. Бесчестье – зато верняк. Даже сама жизнь вроде бы так, сбоку припеку!.. Дайте мне вашу трудовую книжку.

ПРИЕЗЖИЙ. Зачем?

КЛИМОВ. Попробую вам помочь. Не выйдет – пойдете с запиской.

ПРИЕЗЖИЙ. Попробуйте... Только не получится у вас ничего.

КЛИМОВ. Почему?

ПРИЕЗЖИЙ. Вы – чужой...

V

На другой день. Комната в рабочем общежитии. СТЕПАНОВ-МЛАДШИЙ один. Дорого, современно одет. Держится отчужденно.

Стук в дверь. Степанов не отвечает. Стук повторяется. Входит КЛИМОВ. Он в штатском.

КЛИМОВ. Можно?.. А где хозяйка?

СТЕПАНОВ. Сам жду. Куда-то свалили.

Появляются ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ, ПЕТУХОВ и ПОЛСТЯНКИН. В руках у бригадира телефонный аппарат.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (Степанову). Еще минутку!.. (Петухову.) Включи в холле. Что там за шум?

ПЕТУХОВ. Вахтер разоряется. Что телефон забрали.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Не с вахты же звонить – все равно что на весь город!

Петухов уходит, вытаскивая за собой телефонный шнур.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (взял трубку, слушает). Порядок. Звони.

ПОЛСТЯНКИН. Она знает мой голос.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А мой нет? (Климову.) Вы к кому?

КЛИМОВ. К вам. Но я подожду.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Где-то я вас видел. Или ошибаюсь?

КЛИМОВ. Не ошибаетесь.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Вспомнил.

ПОЛСТЯНКИН. Приезжай, что ли? Пусть и позвонит. Мужик, выручи. Я сейчас наберу номер, ответит женщина. Скажи: знакомый просил позвонить. Что ждет ее у общежития горняков. Срочно. Очень, мол, надо.

КЛИМОВ. Кто эта женщина?

ПОЛСТЯНКИН. Да какая тебе разница?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Вера Голубева. С нами не хочет разговаривать. А нам нужно кое в чем разобраться.

КЛИМОВ. Что ж, попробую.

Полстянкин набирает номер, передает трубку Климову.

КЛИМОВ. Я говорю с Верой Голубевой? Добрый день. Я звоню по просьбе вашего знакомого. Ему очень нужно вас видеть, он будет ждать вас возле общежития горняков... Нет, не знаю. Я передаю только то, о чем меня попросили. До свиданья.

ПОЛСТЯНКИН. Что надо! Придет?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Должна. Если все так, как мы думаем.

ПЕТУХОВ (заглядывает в комнату). Порядок?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Верни телефон. И стой в подъезде. Появится Верка, проводи сюда. Вежливо, но деликатно.

ПЕТУХОВ. Понял. (Взял аппарат, вышел.)

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (Степанову). Извини, что заставили тебя ждать. Ну, расскажи: как там в Москве жизнь?

ПОЛСТЯНКИН. К тебе человек.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Может, и человеку интересно послушать, как живут в Москве студенты?

КЛИМОВ. Разговаривайте, я не спешу.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Тем более, человек не спешит. Трудно в институте? На дом небось много задают?

СТЕПАНОВ. В институте на дом не задают. Читают лекции. А потом экзамены.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Так вот сразу экзамены? А если не сдашь?

СТЕПАНОВ. Один – стипешка накроется.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А два?

СТЕПАНОВ. Могут отчислить.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А могут и нет? А если все три?

СТЕПАНОВ. Вышибут. И к бабки не ходить.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Странно как получается. Скажи, Виталька? Сколько мы со Степанычем работали?

ПОЛСТЯНКИН. Больше трех лет.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. И столько же про его старшего слышали. То желтухой заболел. То курить начал. Потом репетиторы пошли, где физика найти, математика. Поступил – новые хлопоты. Сапоги надо, кожаное пальто надо. А познакомились вот только сейчас... (Степанову.) Ты, значит, сразу три экзамена завалил? Чтоб уж не гадать – вышибут, не вышибут. Так? Да ты не стесняйся, здесь все свои.

СТЕПАНОВ. Это что, по радио передавали?

ПОЛСТЯНКИН. Ага. По «Маяку». «С добрым утром».

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Он шутит. Когда все это случилось, мы дали тебе телеграмму. На общежитие. Потом позвонили: ждать – не ждать. И в деканате нам сказали, что студент Степанов уже четыре месяца как отчислен. По результат зимней сессии.

СТЕПАНОВ. А знаете – чего спрашивать?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Что тебя вышибли, мы знаем. Не знаем другого. Что за письмо могли прийти из института? На твой домашний адрес?

СТЕПАНОВ. Какое письмо?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Мы об этом и спрашиваем. На официальном бланке.

СТЕПАНОВ. Может, чтоб забрал документы?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А ты не забрал? Почему?

СТЕПАНОВ. Студенческий потребовали бы сдать.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Зачем тебе студенческий?

СТЕПАНОВ. Ну как? Документ.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А на кой черт вообще околачиваться в Москве? На птичьих правах. Смысл?

СТЕПАНОВ. Дотянуть до весны.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А весной – В Африку? С перелетными птицами?

СТЕПАНОВ. В армию. Дома бы сказал – спецнабор. В этом роде. А после армии снова поступил бы, без конкурса. Так батя ничего бы и не узнал.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Что ж, резонно.

ПОЛСТЯНКИН. И главное – удобно. До весны. А пока – красивая жизнь. Дискотеки. Бары. На отцовские деньги.

СТЕПАНОВ. Вам-то какое дело?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Придется объяснить.

ПОЛСТЯНКИН. Сам. Я бы объяснил.... Так бы объяснил, что... Молчу. Ну, молчу, молчу!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Вот и молчи. (Степанову.) Видишь ли, то самое письмо, на бланке, твой отец получил перед сменой... понимаешь, перед какой? И прочитал в раздевалке. И сразу порвал. Человек он был, как ты знаешь, общительный, но в тот раз никто слова от него не услышал. Но главное не в этом: из рук у него все валилось. И там, где от него требовалось все внимание, мысли у него были заняты совсем другим. Сейчас вот мы узнали – чем. И можно считать большой удачей, что подорвались только двое, а не вся смена.

ПОЛСТЯНКИН. Мы, понял? Я, он и еще шестьдесят человек. Теперь понял, почему это наше дело?

СТЕПАНОВ. Погодите! Вы что? Я, по-вашему, виноват?

ПОЛСТЯНКИН. Не ты. Секретарша, которая отправила то письмо!

СТЕПАНОВ. Ну, сачковал, керосинил – было. Два экзамена завалил, на третий и не пошел – было. Домой не написал – да. И из-за этого отец погиб?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Даже трудно представить? А разве не убиваем мы тех, кто нас любит, когда пьем, врем, вытворяем разные пакости? Тебе просто не повело. Если бы твой отец был бухгалтером, ты так бы и не узнал, чем оплачивается твоя жизнь. Арифмометры не взрываются. А может, взрываются? Только мы не слышим.

СТЕПАНОВ. Я не виноват? Не виноват! Слышите, вы? Я тут ни при чем!..

Пауза. Быстро входит ВЕРА Голубева. За ней ПЕТУХОВ.

ВЕРА. Где он?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Кто?

ВЕРА. Кто мне звонил?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (показывает на Климова). Он.

ВЕРА. Вы?

КЛИМОВ. Я.

ВЕРА. Кто вас об этом просил?

ПОЛСТЯНКИН. Я.

ВЕРА. Он?

КЛИМОВ. Он.

Вера решительно направляется к выходу. Петухов преграждает ей дорогу.

ВЕРА. Пошел к черту!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Раз уж ты пришла, так, может, уделишь нам минутку?

ПОЛСТЯНКИН. А что пришла – факт.

ПЕТУХОВ. Не пришла – прибежала.

ВЕРА (Климову). Вчера тоже вы звонили? И молчали в трубку?

КЛИМОВ. Нет.

ВЕРА. Честное слово?

КЛИМОВ. Честное слово.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Присядь. Видишь, как много ты успела нам рассказать. Кто-то тебе звонит. И молчит в трубку. Тот, к кому ты прибегаешь по первому слову.

ПЕТУХОВ. На другой день, как мужа похоронила.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Да. Этим и вызваны наши вопросы.

ВЕРА. Там спрашивай, что ты резину тянешь? Кто он? Это не ваше собачье дело. Что еще?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Да, пожалуй, и всё. Я спросить не успел, а ты уже отвечаешь. Мы хотели узнать, что у тебя за разговор был с мужем – перед той сменой. Но сейчас это и так ясно. В общем и целом.

ВЕРА. Да, я сказала ему, что ухожу от него. Дальше?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Почему?

ВЕРА. Что почему? Почему сказала? Или почему ухожу?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Сказала. И как раз тогда.

ВЕРА. Да не могла больше – тошнило уже! От вечных расчетов, сколько в этом месяце выйдет. От разговоров, что купим. Понимаешь? Тошнило!

ПЕТУХОВ. А о чем же говорить с женой? О международном положении? Или, может, стихи читать? Нараспев, да?

ВЕРА. Не знаю. Потому что стихов не было. А вот разговоров о белой «Волге» – выше головы!

ПОЛСТЯНКИН. Ты же сама сказала ему, что хочешь белую «Волгу»? Ты! Сама!

ВЕРА. Да, сказала. Чтобы он хоть чем-то занялся. И не рада была: когда получим, куда поставим, какие чехлы лучше!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Может, ты просто не любила его? А тогда зачем же замуж вышла?

ВЕРА. Зачем? Не знаю. Думала: да не все ли равно. Оказалось, не все равно. Верно ты, Володенька, сказал: не любила. Да только это еще не всё. Хуже другое: не уважала. И вот за это мне сейчас стыдно. Какой никакой, а для меня же старался.

ПЕТУХОВ. Ей стыдно! А? Да ведь это же из-за тебя, сука, Славка взорвался! Он же сам не свой был после вашего разговора! Руки у него дергались! Беда на него навалилась, это ты понимаешь? И ты – ты! – ее навалила!

ВЕРА (негромко). А если бы я сказала ему, что люблю его больше жизни и жду не дождусь с работы, руки у него не дергались бы? От радости. А если бы я ему ничего не сказала, он бы не взорвался? От скуки. С перепоею. С недосыпу. От хорошей погоды. От плохой!.. Это вы комиссии врите про взрыватели. А мы-то с вами прекрасно знаем, почему был взрыв!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Ну, почему?

ВЕРА. Да потому что все вы – рвачи! Жми. Гони. Дави. Хватай! А жить-то когда будете? Не вкалывать, не пахать – жить!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Это что же получается? А? Один – разгильдяй. Другая...

ВЕРА. Ну кто? Говори!

ПОЛСТЯНКИН. Не будем уточнять.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. И чтобы они ни в чем себе не отказывали, чтобы пенсии им не урезали, мы всем городом врем людям в глаза. И знаем, что врем!

ВЕРА. Да пошел ты со своей пенсией! Ничего ты не понял! Из-за меня вы врете? Из-за себя! Чтобы все осталось как было: рвать, хватать, выжимать! По штуке! По полторы! Во жизнь!

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (помедлив, достает из тумбочки сверток в носовом платке, кладет перед Верой). Держи.

ВЕРА. Что это?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Узявка. Второй конец, с выключателем. Из-за чего был взрыв. Не нужна тебе пенсия? Отдай это комиссии. Только сама, своими руками! (Показал на Климова.) Вон, товарищу эксперту отдай!

ПЕТУХОВ. Товарищу... эксперту?

ПОЛСТЯНКИН. Точно! То-то, я слышу, голос знакомый. А лицо... В забое не больно-то разглядишь.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Чего ты ждешь? Отдай. А Софья Ивановна пусть уборщицей устраивается. На две ставки. Ничего, перебьется!

ВЕРА. Убери.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Вот так-то! (Климову.) Извините, но это вещественное доказательство вы не получите. Вы ведь за ним пришли? Сами видите – она не отдаст.

КЛИМОВ. Вы уверены? (Вере.) Вы не могли бы задержаться еще на минутку? (Бригадиру.) Допустим, я пришел проситься на работу в вашу бригаду. Что вы захотели бы обо мне узнать?

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Всё. На проходке работали?

КЛИМОВ. Три года. Здесь же, на «Маяке».

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Почему ушли?

КЛИМОВ. Кончился договор. Три года назад.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. А почему решили вернуться?

КЛИМОВ. В свое время я приехал сюда из Ленинграда. Заработать. Познакомился здесь с молодой женщиной. Видимо, мы понравились друг другу. Поэтому, когда я предложил ей быть вместе, она согласилась. Хоть я и сказал, что через три года вернусь к семье... Прошло три года...

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. И что?

КЛИМОВ. Я вернулся к семье.

ВЕРА. Где он? Откуда вы это знаете? Где вы это слышали? Я искала его. Звонила в Ленинград. Уехал. Никто не знает куда. Вы видели его?

КЛИМОВ. Да.

ВЕРА. Где? Где?

КЛИМОВ (бригадиру). Вы по-прежнему уверены, что я не получу это вещественное доказательство?

ВЕРА (отдает сверток Климову). Берите... Только скажите... он...

КЛИМОВ. Секунду? (Разворачивает платок, рассматривает содержимое. Затем заворачивает и отдает сверток бригадиру.)

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Вам это... не нужно?

КЛИМОВ. Нужно. Очень. Но только если отдадите мне это вы. Сами. И сопроводите письменными объяснениями. (Вере.) Вы хотели что-то спросить?

ВЕРА. Он... здесь?

КЛИМОВ. Да.

ВЕРА. Я знала... я знала!.. (Быстро выходит.)

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Думаете – отдадим?

КЛИМОВ. Вы провели расследование. И что выяснили? Сына исключили из института. Жена сказала, что уходит. И всё? Этого хватит, чтобы взлететь на воздух? У вас есть способ устранить из жизни такие причины?.. Я вижу, вы еще склонны считать всё случайностью. Что ж, подумайте. А пока объясните мне, как используется эта... узявка. Вас это ни к чему не обязывает.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ (помедлив). Зачем иголки, вы, наверное, уже поняли. Чтобы подключиться к сети. Конец отгаскивается в укрытие. И оттуда... (Несколько раз щелкает выключателем торшера.)

Лампочка загорается и гаснет.

ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ. Если же по какой-то причине выключатель оказался замкнутым... хотя бы так... (Вывинчивает лампочку, кладет в патрон монету, завинчивает лампочку.) То... (Щелкает выключателем.)

Короткое замыкание. Свет гаснет. Полная темнота. Слышен отчаянный крик Степанова: «Я ни при чем!.. Ни при чем!.. Ни при чем!..»

Действие второе

VI

В темноте слышно звяканье ключа в замке, зажигается свет, освещая прихожую и комнату в квартире Дроздовых. Входят ЗОЯ, ДРОЗДОВ, ШМЕЛЕВ и КЛИМОВ.

ЗОЯ. Наш дом... Добро пожаловать!

КЛИМОВ. Как-то нелепо... Третий день мы встречаемся, разговариваем. «Зоя Михайловна», «Анатолий Сергеевич». Если бы я сам не напросился, вы и сегодня не пригласили бы меня в гости?

ДРОЗДОВ. Мы боялись, не сочтешь ли ты это... попыткой подкупа. Или давления. Давай твою шинель... Эксперт – в гостях у обвиняемого!

КЛИМОВ. Обвиняемый – ты?

ЗОЯ. Мы можем хоть на сегодня все это забыть? Хоть на час! Ничего не было! Ничего! Прилетел друг. Случайно оказался в наших краях. И всё!

КЛИМОВ. Давайте попробуем.

ЗОЯ. Тогда здравствуй... Юра.

КЛИМОВ. Здравствуй... Зоя.

ШМЕЛЕВ. Здорово, старик! (Хлопает Климова по плечу.) Каким тебя ветром? Впрочем, нет, это лишнее.

ДРОЗДОВ. Здравствуй... Юра.

КЛИМОВ. Здравствуй, Толя. (Обнимает Дроздова.)

ШМЕЛЕВ. А что, получается! (Оживленно.) А изменился-то как! Был – цыпленок. А стал... Мужик! (Зое.) А? И форма – идет!

ЗОЯ. Да, очень к лицу.

ШМЕЛЕВ. Майор. Для твоих лет это как? Много, мало?

КЛИМОВ. Нормально.

ШМЕЛЕВ. По вашим меркам Анатолий кто?

КЛИМОВ. Трудно сказать. Наверное, полковник. Или даже генерал-майор.

ШМЕЛЕВ. А сам – майор! И говоришь – нормально. Мало!

ЗОЯ. А ты помалкивал бы, младший лейтенант!

ШМЕЛЕВ. Я – разжалованный, это совсем другое дело. Ну, рассказывай. Как ты? Что? Мы же ничего о тебе не слышали. Ровно пятнадцать лет – с того дня, как ты вдруг исчез.

КЛИМОВ. Почему исчез? Просто уехал.

ДРОЗДОВ. Мог бы найти полчаса – попрощаться.

ШМЕЛЕВ. Если бы захотел.

КЛИМОВ. Не мог. Как только я сказал военкому «Да», всё завертелось: предписание, билет, час на сборы. Год специализировался в Кронштадте, потом служил на севере. Последние пять лет – под Москвой.

ШМЕЛЕВ. Женат? Дети?

КЛИМОВ. Жена врач. Два сына. Младший в третьем классе, старший в восьмом.

ЗОЯ. Как наша. Тоже в восьмом. В кино убежала. Скоро придет, увидишь.

ШМЕЛЕВ. Поесть в этом доме дадут? И выпить? В конце концов, друг приехал! Или не друг?

ЗОЯ. Располагайтесь. (Накрывает на стол.)

ШМЕЛЕВ. Что же ты замолчал? Твоя очередь спрашивать, как мы живем.

КЛИМОВ. Как вы живете?

ШМЕЛЕВ (Дроздову.) Как мы живем?

ЗОЯ. А в самом деле – как?

ШМЕЛЕВ. Нормально мы живем, вот как! И даже, я бы сказал, хорошо! (Дроздову.) Правильно? (Климову, показывая на окно). Пятнадцать лет назад здесь было болото, голая тундра, бараки. А сейчас – современный горд, любуйся!

КЛИМОВ. Красивый город.

ШМЕЛЕВ. Кто строил? Мы!.. (Подсаживается к пианино, играет: бравурная музыка, затем – неожиданно – похоронный марш.) Комбинат был – на ладан дышал. А сейчас? Перспективнейшее предприятие, одно из лучших в стране! Кто поработал? Мы!

И вновь бравурная музыка и похоронный марш.

КЛИМОВ. Зачем же... так-то?

ШМЕЛЕВ. А также за отчетный период мы воспитали целую плеяду подрастающего поколения... (Климову.) В сущности, играть должен бы ты. Не хочешь? Что ж, и так всё ясно. (Отошел от пианино.) Вот так, Юра, мы живем. Во всяком случае, тебе кажется, что так.

КЛИМОВ. А на самом деле?

ШМЕЛЕВ. Не сомневаюсь, что своими соображениями на этот счет ты с нами поделишься. А иначе зачем ты пришел?

ЗОЯ. Давайте, мальчики, выпьем. За ту квартиру на Арбате. Мы разлетелись из нее, как из гнезда. И как бы там ни было, она нас свела.

ШМЕЛЕВ (Климову). Особенно их.

ЗОЯ. После того, как ты исчез, мне ничего не оставалось, как выйти замуж за Анатолия.

КЛИМОВ. Надеюсь, ты никогда об этом не пожалела.

ЗОЯ. Никогда. (Мужу.) А ты?

ДРОЗДОВ. Я тоже. Будем здоровы!

Пьют.

ЗОЯ. Пятнадцать лет, с ума сойти! Мелькнули, как день. И сейчас даже темное кажется светлым. Если вспомнить, квартира-то была жутковатая. Нелепая какая-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.